

Ева Видмер
Пустота

Ева Видмер

Пустота

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=20975600

ISBN 9785448313318

Аннотация

Есть люди, которые не могут просто жить, просто быть счастливыми. Они чувствуют себя одинокими, неприспособленными к жизни. «Пустота» о жизни, о людях, отношении к себе и другим, об одиночестве, которое знакомо каждому, но для кого-то становится обычным привычным мироощущением. Эта книга о взрослении, о смелости распоряжаться своей жизнью, бороться за убеждения, о попытках построить свою собственную семью.

Содержание

26 ноября	6
7 декабря	15
26 декабря	23
5 января	33
18 января	37
30 января	41
14 февраля	49
15 февраля	53
16 февраля	58
24 февраля	61
12 апреля	63
13 апреля	70
16 апреля	72
28 апреля	74
1 мая	80
3 мая	84
25 мая	90
1 июня	95
10 июня	99
13 июля	102
18 июля	107
19 июля	113
31 июля	116

Пустота

Ева Видмер

Иллюстратор Мария Судовых

© Ева Видмер, 2018

© Мария Судовых, иллюстрации, 2018

ISBN 978-5-4483-1331-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

26 ноября

День был пасмурный и холодный; так всегда бывает поздней осенью, когда снег запаздывает. Прошел дождь. Асфальт был все еще мокрым и темно-серым. В такие дни многие придумывают себе депрессии.

Мое утро тоже так началось. Идти на занятия было не нужно, квартира пустовала, и только голодная кошка брезгливо попискивала, напоминая о себе, когда я заходила на кухню. Мой мобильник молчал уже, наверное, с неделю.

В начале ноября погиб мой друг – разбился на мотоцикле. Это было явным началом конца, мы сразу же это поняли. Нас всего-то было шесть человек, и дружили мы уже много лет, с моего раннего детства. Кроме них у меня никого не было, а теперь, после его смерти, мы стали друг другу живыми напоминаниями трагедии, и я осталась одна. В общем, мерзкая погода полностью передавала все, что накопилось у меня внутри. Дома оставаться не хотелось.

Я хорошо помню, как натянула старые потертые джинсы, майку с голой спиной, потому что только она оказалась свежей, поверх теплый вязаный свитер, пальто и сапоги с каблучком в семь сантиметров, а потом вышла из серого плена своей двухкомнатной квартиры.

Долго бродить не получилось, похолодало, и пришлось зайти в «Саб-Вей». Там я взяла, как обычно, кофе и вспом-

нила, как раньше мы, обедая здесь, брали себе по одному сэндвичу на двоих. Размешивая сахар, который я раньше никогда в кофе из автомата не клала, я вспоминала то светлое время и думала, где же теперь эти мои друзья. Где они, когда действительно очень нужны? Я не могла больше сдерживать застилающие глаза слезы.

И так у меня проходил практически каждый день. Чтобы хоть как-то отвлечься, я поехала в кино, потратив на дорогу двадцать пять рублей и пятнадцать минут. Но и в фойе, и в зале я не могла отделаться от воспоминаний того, как мы ходили сюда вместе. Мне с трудом удалось заставить себя высидеть и не уйти во время сеанса. Даже если вы сейчас, спустя два часа после окончания фильма, спросите, о чем он, я максимум процитирую краткое содержание из рекламки.

Вот так бездарно весь день и прошел. Дождь я застала, когда пешком возвращалась из кинотеатра. Шла нарочито медленно, поэтому промокла до нитки.

Мои мысли невольно снова и снова возвращались к трагедии; я любила всех моих людей, но его больше всех. Ни с одним человеком никогда в жизни я не была так близка, и вот случай меня его лишил, а потом лишил и всякой надежды на поддержку. Я не могла больше общаться с кем бы то ни было, мы не знали, о чем говорить, чтобы не касаться темы смерти. Говорить о ней было больно, но также больно и молчать, опуская глаза, потому что сказать друг другу нам было уже нечего.

А сейчас я стою на крыше девятиэтажки, что через два дома от моего, руки замерзли так, что мне с трудом удается сгибать и разгибать пальцы, с волос стекает и течет по лицу вода, зубы лязгают от холода. И я не знаю, что делать дальше. Знаю только, что не хочу возвращаться в свою серую бесконечность, не хочу в пустоту, которая меня уже поглотила... Вокруг не было ничего. Я устала от холода и пустоты, с которыми засыпала и просыпалась. Устала от слез, которые текли сами собой, устала от ноющей боли в груди и осознания, что как раньше уже никогда не будет.

На улице, внизу, я не видела ни души. Мокро, холодно, они все по домам попрятались. Там не было молодой мамочки с ребенком, с любопытством первооткрывателя озирающимся по сторонам, которые бы остановили меня хотя бы на время.

Отступая от края ровно на десять шагов, я думала о том, что лучше быть кремированным, чем похороненным в земле. И моего друга как раз тоже кремировали...

Это, наверное, стало мне сигналом, что дороги назад нет.

Шумно выдохнув, я, изо всех сил стараясь бежать быстрее замерзшими ногами, рванула к краю.

Знаете, многие не верят, что за мгновение до смерти перед глазами проносится вся прожитая жизнь, и правильно делают. Такие моменты мы, как правило, видим замедленно. Уж не знаю, с чем это связано, но и у меня было так. Я слы-

шала свое ускоренное сердцебиение и даже чувствовала, как лечу. Мне казалось, что прошли не какие-то там полминуты, а, как минимум, четверть часа. Падая, я подумала, что с радостью бы застыла именно в этом моменте, чтобы все время летать... А еще у меня ужасно заболели все кости, словно мое тело разрывалось на кусочки, но я все равно наслаждалась полетом, хоть боль и была невыносимой и прошла, только когда я соприкоснулась с мокрым асфальтом...

Я почувствовала тишину, которая замерла внутри, но вдруг мое сердце снова забилося. Я не расшиблась в лепешку, разве что кости продолжали болеть, но не так, как при переломе. Я была цела и не «поломана», сумела даже встать, только куртка и свитер разошлись по швам, так что я сразу же стряхнула их, как только поднялась на ноги.

Происходящее меня пугало, я судорожно касалась руками голых холодных плеч, до сих пор не веря ни глазам, ни телу. Почему я не умерла? Почему я вообще все еще имею ничуть не поврежденное тело?..

Поднялся сильный ветер, и мне даже не удалось устоять на ногах, когда он попытался меня подхватить. Я крутилась в воздухе, зажмуриив глаза, пока не услышала, как что-то, ударившись об асфальт, протяжно заскрипело. А еще я почувствовало боль... Только не смогла определить, где.

С опаской я посмотрела за спину и, не в силах поверить собственным глазам, увидела там два белоснежных крыла,

какие мы обычно представляем у ангелов. Я отвела руку назад, чтобы коснуться их. Это были самые обычные птичьи крылья с жесткими перьями. Но ветер снова подхватил меня, не давая собраться с мыслями, только на этот раз я смогла перевернуться в воздухе и лететь. Правда недолго, крылья меня все еще не слушались, и я упала на мокрый асфальт. Все мои косточки захрустели, и некоторое время я лежала на земле не в силах пошевелиться. Боль была жуткой, но я вдруг осознала, что это мои кости быстро-быстро срастаются, несмотря на их хрупкость, ведь они стали трубчатыми, как у птиц.

Я никогда не была верующей, мне и сейчас не казалось божественным мое сходство с ангелом. Очень хотелось, чтобы все эти метаморфозы оказались сном, но жуткая боль, которая все еще ныла во всем теле, беспощадно убеждала меня в обратном.

Поднявшись на ноги, я снова попыталась взлететь, и теперь это получилось у меня гораздо лучше. Мне нужно было как можно скорее где-нибудь укрыться, ведь вряд ли прохожие не удивятся, увидев летающего над их головами ангела... Меня трясло от ужаса, мое сердце так громко стучало в ушах, что кроме него я ничего не слышала, а по спине проходила волна то жара, то холода. Ветер стих, позволяя мне по крайней мере устоять на ногах. Я уставилась на свои руки. Казалось, я целую вечность тупо смотрю на них, пытаюсь понять, мои ли это руки. Потом я огляделась по сторо-

нам: тот ли это мир, что был до падения, или же он изменился тоже? Но мир, по-моему, остался прежним. Я оглянулась и снова увидела за спиной свои крылья. Тогда мне в первый раз пришла мысль о том, что они вообще-то очень красивые, но она быстро сменилась волнением, что меня может кто-то увидеть. Неужели мне придется теперь всю оставшуюся жизнь скрываться? Как мне вообще жить после всего этого?

Лететь я боялась, да и не знала, как, поэтому я быстро зашагала в сторону своего дома, прячась за деревьями, мне еще очень повезло, что людей днем в будни, да еще и в такую погоду почти не встретить в спальных районах. Но когда я заметила свою мать, которая возле двери в подъезд копалась в сумочке, я, забыв про всякую осторожность, кинулась к ней. Тогда меня даже не насторожило, что раньше я никогда не видела у нее ни такой сумки, ни этого плаща, и даже прическа была не такой, как утром. Я просто увидела ее лицо, такое знакомое, что мне показалось, только она сейчас может помочь мне разобраться в том, что случилось со мной. Но когда я оказалась рядом, мама меня не заметила, и это насторожило и начало пугать еще больше.

– Мама? – негромко позвала ее я, но она, повернув голову ко мне, снова отвернулась. Я позвала ее громче. Тогда мама некоторое время смотрела прямо на меня, ничего не понимающими глазами, а потом, покачав головой, выудила, наконец, ключи из сумки. Она меня не видела... Как и другие несколько человек, зачем-то вышедших из дома в такую

мерзкую погоду. Я, с одной стороны, вздохнула с облегчением – мне по крайней мере не нужно прятаться, но... легче не стало.

Мне ничего не оставалось, как зайти вслед за матерью в подъезд, а потом и в квартиру. Но теперь я едва узнавала свое жилище. Отделка – другая, мебель – другая, даже фотографии, висевшие в рамках на стенах, – другие. И ни на одной нет меня.

Я обошла всю «свою» квартиру и не нашла ни одной знакомой вещи, кроме некоторых лиц на фотографиях, затем вернулась на кухню, где женщина, которая больше не была моей матерью, курила возле настержь распахнутого окна. А ведь в моей жизни она никогда не курила...

Мне хотелось ей что-нибудь сказать, но я решила, что только напугаю ее, поэтому вышла обратно в коридор и еще раз обошла уже не свой дом, зашла не в свою комнату, где еще совсем недавно были мои вещи, но теперь не было ни одной: лишь неуютная гостиная с диваном перед большим телевизором и книжным шкафом во всю стену. Тут я заплакала, наконец, впустив в свою душу весь этот кошмар, что мне приходилось переживать сейчас. Нет ни единого воспоминания обо мне, ни одной отсылки, что я была. Меня для них никогда не было.

Ни для кого.

Никогда.

Не было.

И это, оказалось куда большее, чем сломать все кости и заново их срастить, этот удар о реальность был сильнее удара об асфальт. Мне следовало бы радоваться, что никого не будет мучать чувство вины и боль утраты, но, как ни эгоистично это прозвучит, мне в глубине души ведь очень хотелось, чтобы обо мне помнили и хоть кто-то страдал так же, как пришлось страдать мне от потерь, хотелось, чтобы моя смерть была тоже чьей-то утратой, а в итоге очередным страданием она стала только для меня самой. Это, должно быть, ужасно, но стоя там, на крыше, я ведь совсем не думала о тех, кто будет меня оплакивать. Задумываясь о самоубийстве, я всегда останавливалась, вспоминая тех немногих, кто будет из-за этого страдать, но не сегодня.

Наглотавшись этой горечи вместе с собственными слезами, я вернулась на кухню и вышла в открытое окно, где все еще в воздухе чувствовался табачный дым. Я не взлетела, потому что своим новым телом пока не владела, но все же не рухнула на землю со второго этажа, хотя и приземление мое было болезненным. Трубчатые кости снова начали мгновенно как будто заново собираться, и тут уже боль была куда страшнее. Однако меня больше уязвило осознание, что закончить начатое мне не удастся.

Я поднялась на ноги, но куда мне было идти? Если даже в обычной человеческой жизни я не представляла, зачем мне оставаться здесь, то что мне было делать теперь? Для целого света меня нет и никогда не было, и эта мысль в очередной

раз обдала меня холодом пустоты.

Но вдруг появилось нечто, что казалось мне единственно важным, – доказать себе, что я была, вернее, что я все еще есть. Больше просто у меня ничего не осталось.

7 декабря

Управляться со своим телом я научилась все же довольно быстро. Может, мне еще не хватало сноровки для маневров в небе с птицами или же на узких улицах среди балконов и веревок для белья, но я не была по крайней мере похожа на ребенка, который учится ходить. Почти сразу же летать стало казаться мне столь же естественным, как ходить пешком, а то и более.

Теперь время для меня текло несоизмеримо медленно. Еще не прошло и двух недель после моей смерти, а мне начинает казаться, что моя жизнь всегда была такой...

Такой плавной, тоскливой и одинокой.

Ничего не проходит: ни боль от потери близких, ни обида, причиненная дорогим человеком, ни чувство одиночества. Особенно здесь, так сказать, наверху. Мне нужно было чем-то себя занять, и, раз уж своей жизни у меня больше не было, я начала интересоваться чужими. Я вижу столько людей, беззаботно улыбающихся, угрюмых, несчастных, торопящихся, вижу влюбленных, держащихся за руки. Я вглядываюсь в их лица, замечаю малейшие проявления эмоций, таких как улыбка, которая мелькнет лишь на мгновение, после чего снова скроется под каменной маской. Когда нет жизни собственной, начинаешь заглядывать в чужую, как в окна. Но до сих пор я никогда не предавала людям, на которых об-

ращала внимание, такого значения.

В тот день я увидела Ее впервые. И впервые увидела Его.

Увидела девушку, которая вышла из школы. Она чем-то напомнила мне меня – те же темно-каштановые волнистые волосы до лопаток, те же синие глаза, светлая кожа с румянцем, и она тоже предпочитала в одежде черные и темные тона – но все же это была не я.

Девушку эту звали Марией. Несколько мрачную манеру одежды она унаследовала от старшего брата, на которого когда-то так хотела быть похожей.

Мария сошла с крыльца и двинулась к воротам, но вдруг остановилась. Впереди она заметила четырех молодых людей, которых благодаря брату знала. Ее встревоженный взгляд впивался только на одного из них, не обращая никакого внимания на остальных. Черные джинсы, черная футболка, поверх нее расстегнутая белая рубашка и черное пальто. Виски выбриты, а волосы перекрашены в белый, хотя черные корни уже неопрятно отросли. Мне сразу стало не по себе. Юноша почти не выпускал из рук сигарету, отчего изрядно пропах табачным дымом. Друзья называли его Гостом. Без слов, по одним только взглядам в его сторону было ясно, что он возвышается над остальными.

Людей всегда тянет к подлецам. Уж не знаю, с чем это связано.

Я опустилась на землю рядом с застывшей Марией. Как раз в этот момент Гост чуть повернул голову и заметил ее.

Она задрожала и отступила назад. Он усмехнулся и, затянувшись, выпустил струю белого дыма. Мария, шумно выдохнув, быстро зашагала своей дорогой, постаравшись обойти Госта и компанию стороной, но я отчего-то задержалась.

Пользуясь тем, что они меня не видят, я подошла к Госту совсем близко. Он молчал, а его дружки наперебой пытались ему что-то рассказать. Но если они и не замечали, то от меня не укрылось то, что Гост совсем их не слушал. Впрочем, я тоже. Все равно мне сложно было понять, о чем они толкуют, смешивая нормальный язык с вульгарным разговорным жаргоном и какими-то уж совсем странными понятиями. Я продолжала с неподдельным интересом изучать Госта: серо-голубые глаза, тонкие правильные черты лица и светлая кожа. Светлая, но не бледная.

Но также я ощущала холод, который исходил от него. И хоть я больше не была человеком, рядом с ним я чувствовала себя так, словно была сжата ледяными щупальцами так сильно, что с трудом могла дышать. Непроизвольно я попятилась назад, и щупальца начали отпускать меня. Я замерла. Гост повернул голову в мою сторону, и его обжигающе-ледяной взгляд на долю секунды коснулся меня, хоть он об этом никогда и не узнает.

– Голос! – ни с того ни с сего властно скомандовал он.

Я не могла понять, что происходит. Единственное, что мне хотелось сейчас сделать, это уйти... улететь... исчезнуть...

– Гост... я... я все объясню... – раздался тихий голос прямо за моей спиной.

Я оглянулась и увидела запуганного до полусмерти парнишку. С виду он был ровесником Марии и сейчас выглядел жалко, зато Гост показал мне разом и жестокость, и власть одним своим голосом.

Готы отвели парня «под конвоем» в ближайшие дворы и совершенно жутким образом избили. Мальчик даже не сопротивлялся.

Меня трясло, действительно трясло, когда я смотрела на это сверху, но я думала, что не в моих силах что-то сделать. Я закрывала глаза и как наяву видела жалостливые несчастные глаза этого парня, полные боли, и глаза Госта, ледяные и безжалостные. Он не принимал участия в побоях, стоял рядом и смотрел. Но именно с его молчаливого согласия несчастный еще месяц пробудет в больнице, а до этого полторы недели – в реанимации.

Вечером того же дня, я вновь увидела на улице Марию. Она одиноко стояла на остановке у парка Блонье. Похолодало, и девушка куталась в пальто, она то и дело поправляла замерзшими белыми пальцами воротник и что-то шептала. Я стояла рядом с ней, но не могла разобрать ее слов.

Подъехал автобус, и я вошла вслед за ней. Несмотря на то,

что свободных мест было предостаточно, девушка встала у окна, крепко вцепившись в поручни. Моя рука тоже коснулась их. Я была уверена, что это навеет мне воспоминания о моей жизни, но ничего подобного не случилось. Я увлеченно наблюдала за «своей» Марией. И в том, что она «моя» у меня уже не осталось сомнений.

Эта девочка встретила меня совсем недавно, но я чувствовала ее. Знала все привычки, безошибочно могла бы угадать предпочтения, я знала ее всю, знала ее душу. И меня больше ничуть не пугала эта мысль. Мне показалось, что я теперь не одна, пусть люди и никогда не узнают о том, что я рядом. Я думала, что если буду оберегать кого-то, то докажу, что я все еще здесь, в этом мире. Докажу это себе. Я видела свое спасение в этой девушки.

Ее темные волосы, подхваченные ветром, скрывали ее лицо всякий раз, когда в салон врвался поток холодного воздуха с улицы, стоило дверям открыться на очередной остановке. Ее пальцы, отогревшись, начали то быстрее, то медленнее барабанить по поручням, а потом она непринужденно заправляла непослушные прядки за ухо левой рукой и снова барабанила...

Наверное, я улыбалась. Мария тоже улыбалась, несмотря на непонятную мне грусть, отчетливо читающуюся в ее глазах.

Я последовала за ней до самого дома. Она жила в хоро-

шем богатом районе, в большой светлой квартире на шестом этаже, из окон которой открывался чудесный вид на город: дорожки старых белокаменных трех-четырёх этажных домиков, а за ними, вдалеке, виднелся красный кирпич заброшенного костела, где уже несколько десятилетий хранился архив.

– А ты вообще знаешь, сколько в этом градусов?! – услышала я противно-визгливый женский голос. А когда оглянулась, увидела Госта с высокой худощавой крашеной блондинкой, отросшие темные корни волос которой сразу бросились мне в глаза.

Я была уже довольно далеко от дома Марии, бесцельно бродила по темным дворам, но вот чего-чего, а встретить гота с подружкой мне сейчас хотелось меньше всего. Гост нес в руках какой-то сверток, довольно большой и никак не реагировал на крики своей спутницы, и она продолжала:

– Семьдесят два! Слышишь, семьдесят два! И вообще, во многих странах продавать абсент запрещается, потому что в нем содержатся наркотические вещества!

Я понимала по глазам Госта, что она раздражает его ничуть не меньше, чем меня, но почему-то гот никак не реагировал на ее слова.

Мы втроем подошли к подъезду, и Гост открыл дверь сво-

ими ключами, затем мы поднялись на шестой этаж, и он открыл дверь в квартиру. Юноша сразу же пошел в комнату, даже не снимая обуви и верхней одежды, блондинка свою куртку оставила в коридоре. Я вошла в комнату вслед за Гостом. Он уже сидел на диване и держал в руках рюмку с изумрудной жидкостью. Когда же его гостья появилась, гот выпил и даже не поморщился, лишь на пару секунд зажмурил глаза, не утруждаясь поджигать сахар или еще как-нибудь усложнять свое опьянение. Девушка презрительно фыркнула.

– Может, ты все-таки хочешь мне что-то сказать?

Гост посмотрел на нее и, выдержав паузу, ответил:

– Нет.

Блондинка начала багроветь от злости. Взгляд ее темных глаз яростно впивался в хозяина квартиры.

– А что, сестра Артура одобряет это твое увлечение? Ах, да, она же все одобряет! Точнее, она может только потакать тебе. Удобно, наверное.

Гост посмотрел на нее исподлобья. Его голубые глаза стали ледяными, как и тогда, у школы. Мне снова стало страшно. Действительно страшно. Но, к моему удивлению, Гост ничего не сделал и даже ничего не сказал.

– Ну, что, я права? Тебе нравятся те, кто не могут и слова сказать тебе наперекор! А тех, кто может, ты не терпишь. Вот почему ты такой, да?

– А ты, значит, считаешь, что можешь? – юноша встал

и с силой швырнул рюмку под ноги, после чего осколки трепетно заскакали по полу. Девушка растерялась, как и я, а Гост даже не изменился в лице и спокойно продолжал: – Я делаю то, что хочу, и для этого мне не нужно ничье разрешение. Убирайся, я тебя сюда не тащил и удерживать не буду, потому что ты – ничтожество, которое возомнило, что может меня учить.

Девушка задрожала, поджала губы и вышла в коридор. Гост же подошел к столу и достал из ящика новую рюмку. Я вздрогнула, когда захлопнулась входная дверь.

У меня долго не укладывалось в голове, как могут быть связаны Гост и «моя» Мария. А еще я никак не могла придумать что-нибудь, чтобы не дать им пересекаться, ведь Госту я противостоять пока не в силах. Я действительно боялась, и прежде всего за Марию. Она оказалась слишком близко к этому человеку, связываться с которым не стоило. Но он почему-то нарочно старался, чтобы Мария сблизилась с ним.

Гост частенько как будто случайно встречал девушку на остановке, при этом он почти ничего сам не говорил, но слушал ее. А я ничего не могла с этим поделать, как бы ни старалась.

26 декабря

Время теперь летело быстро. Мне с трудом верится, что прошел целый месяц с момента, как меня не стало. Воспоминания становятся менее значимыми, чувства менее яркими, хотя какие уж там чувства...

Как оказалось, я могу видеть чужие сны. Узнала я об этом случайно, когда вечером проводила Марию до дома и решила все-таки остаться у нее. Ее родители были в отъезде, а брат уже несколько лет жил в другом городе, лишь изредка приезжая по делам, суть которых не была ясна никому. Моя Мария оказалась очень правильной девочкой и, несмотря на пустующую квартиру, не водила ни друзей, ни подруг, да и сама всегда ночевала дома и возвращалась не позднее десяти. Ее единственным гостем была я. Мне нравилась просторная, светлая квартира, единственным темным пятном которой была комната Артура. Мари часто заходила сюда и подолгу просто сидела на полу. Нигде ей не удавалось чувствовать себя так спокойно, как здесь. Мне даже показалось странным, что она все еще не перебралась жить сюда, из своей комнатки с фисташковыми стенами и белым потолком, которая не была заполнена уютом.

Мари очень сильно скучала по брату, и это чувствовалось, хотя он прекратил всякое общение с сестрой и с семьей, они даже не знали номера его телефона.

Может быть, именно поэтому ей снилась ссора. До того, как мне показало Артура ее подсознание, я его не видела. А подсознание представило его, как юношу примерно двадцати трех лет, с красивой атлетической фигурой, одетого с черную футболку и темно-серые джинсы, волосы тоже были темными, но не черными, как я ожидала, зная о его готическом увлечении, аккуратно подстриженными, а глаза синие, как и у сестры, и обрамлены черными длинными ресницами, что сразу же добавило взгляду, а вместе с тем и лицу, выразительности. Именно глаза и остались в моей памяти на утро, размыв дымкой его облик, обозначив только, что брат с сестрой были очень похожи. А вот причину ссоры мне разобрать не удалось, слишком уж громко они кричали друг на друга, так что все слова смешивались в бессмысленный гул.

И все это я узнала только из-за того, что, когда Мария уснула, я не сдержалась и коснулась ее руки и тотчас провалилась в сон, и спала я только до тех пор, пока моя рука касалась руки девушки. Я думала, что я утратила эту человеческую способность, как нужду в пище и все другие, но в самом деле я не испытывала большего счастья, чем то, что почувствовала в первый раз после пробуждения. Поэтому я стала смотреть ее сны чаще, но не каждую ночь, чтобы оттянуть тот момент, когда и это перестанет пробуждать во мне какие-то чувства. Ведь с каждым разом счастья становилось все меньше и меньше, и это уже походило на рутину.

Однажды Мария увидела во сне Госта. Как и любой сон, он не имел начала. Сначала мы оказались в маленькой комнате, заполненной табачным дымом, где повсюду взгляд наткался на пепельницы, набитые окурками, пепел был даже на полу. Мария как будто знала, куда идти, но все равно с опаской прошла в следующую комнату, на этот раз с пустыми бутылками. Она, а вместе с ней и я, почувствовала тошноту от сильного затхлого запаха алкоголя, но не остановилась, а поднялась по лестнице и увидела Госта, сидящего за столом. Перед ним лежал шприц. Я чувствовала панику, которая охватила Марию, глядевшую в серые безразличные глаза гота. Единственное, что успело броситься мне в глаза, так это то, что он выглядел совсем как обычно, словно наркотики еще не подействовали или вообще не действуют. Он внимательно рассматривал нас, но ничего не говорил, только усмехнулся.

И нам обоим стало до того жутко и противно, захотелось как можно скорее найти выход и уйти, но дверь позади нас исчезла, а комната вытянулась в бесконечный коридор.

Вечером того же дня Мария по обыкновению ждала автобус на остановке, но сегодня он почему-то не торопился. Настроение у девушки с самого утра было паршивым, к тому же подмораживало, а снега почти не было, только замерзшая

чахлая трава, да почерневшие ветки деревьев. Ветер больно пронизывал ее, несмотря на шарф и пальто, и подвывал.

– Твой транспорт будет часа через два, не раньше, – раздался голос.

Мы обернулись почти одновременно. Гост был как всегда без шапки и в расстегнутом пальто, а в руках, которые, правда, в этот раз были в черных кожаных перчатках, он держал сигарету, которую закурил совсем недавно, и она только начинала тлеть.

– Ты уверен? – спросила Мария.

Людей на улице сегодня было подозрительно мало, что казалось странным в будний день в самом центре города, даже настораживало, ведь рабочий день закончился и многие должны были выдвигаться в сторону спальных районов.

– Это из-за аварии неподалеку, машина вылетела на встречку, – спокойным басистым голосом объяснил Гост.

Мария молча кивнула, потупив взгляд.

– Значит, придется мерзнуть, – смиренно решила она, не поднимая глаз на собеседника, и поежилась.

– Необязательно, – затянувшись, ответил юноша.

Мари обеими руками сильнее натянула шапку на уши, после чего, посмотрев на Госта и чуть улыбнувшись, спросила:

– А как же иначе?

– У моего знакомого сегодня вечеринка, мы можем переждать эти два часа у него, это недалеко отсюда.

– Исключено, – отрезала Мари, и ее улыбка тотчас исчез-

ла.

Гост пожал плечами. Не тот это был человек, который будет уговаривать, слишком уж он уверен, что все будет так, как он сказал. Я вдруг почувствовала радость от того, что моя Мария без раздумий отклонила его предложение, однако в ее глазах затаились сомнения, которые мне следовало заметить и развеять, но я не успела.

Гост докурил и, собираясь уходить, напоследок сказал:

– Артуру вряд ли понравится, что я оставил его сестру на холоде, да еще и поздно вечером, но дело твое.

– Подожди, – остановила его девушка, – ты ведь пришел сюда ради меня? – Гост совершенно не изменился в лице после ее слов и всем своим видом показывал, что отвечать не собирается. – Хорошо, тут и правда очень холодно, пойдем к твоему этому другу...

Я раскрыла рот от изумления. Конечно, я могла понять, что ей не хочется мерзнуть здесь еще два часа, но зачем было идти с Гостом? Неужели нельзя было переждать в каком-нибудь кафе поблизости, в центре их было полно, нужно было только выйти на соседнюю улицу. Мне очень хотелось вцепиться и удержать ее, но стоило мне протянуть руки, как девушка стремительно направилась к Госту, и я не успела даже коснуться ее рукава.

Я, наверное, слишком уж переоценила свои возможности, я ведь могу только наблюдать и помогать, если нужно. Мари, видимо, считала, что не нужно, а я не могла взять в толк,

почему она не видит той опасности в Госте, какая отчетливо видна мне.

Дом друга, о котором говорил Гост, действительно был близко, даже из окон была видна та самая остановка, на которой мерз мой человек. Атмосфера, в которую мы попали, нам не понравилась, но она должна была это ожидать: табачный дым, зависший в воздухе, море выпивки, толпа незнакомых людей, на которых все время натыкался взгляд. Шумела музыка, превращаясь в агрессивное рычание и лязганье зубов, когда она смешивалась с криками, голосами и звоном бутылок. Но это была не готическая вечеринка, по крайней мере, не такой, какой я себе ее представляла, с мрачными молодыми людьми, приносящими в жертву домашних крыс и мышей. Да и виновник торжества был обычным молодым человеком, отмечающим двадцатилетие в компании друзей и выпивки, хотя многие, действительно, с виду принадлежали к субкультуре. Гост почти не пил, только в дверях его встретили с рюмкой, а потом настойчиво предложили Марии, она отказывалась, но Гост сказал, что проще выпить одну, чем отнекиваться, ведь они все равно не отстанут. И девушка повиновалась. Выпила, хотя после этого очень жгло во рту, она поморщилась и закрутила головой, пряча длинную шею в плечи.

– Это водка? – спросила девушка.

– Текила. – спокойно ответил Гост.

Потом он взял ее за руку и повел в комнату, откуда греме-

ла тяжелая музыка и шумели люди. Многие из них уже совсем выпали из жизни, расплывшись на полу по углам, а спиной прижимаясь к стенам, со стеклянными глазами от выпивки и еще бог знает чего.

Вдруг Гост остановился и указал Мари молодого человека, одиноко стоящего у стены, который что-то высматривал, кивая головой в такт реву музыки.

– Подойди к нему и дай это, – велел гот, вкладывая девушке в руку деньги. Мне не удалось рассмотреть купюры, но, судя по всему, сумма была немаленькая.

– Зачем? Я не буду... Я не хочу... – спросила Мария, пытаясь вернуть деньги, но Гост только сильнее сжал ее руку.

Он не ответил, а лишь кивнул, указывая в сторону молодого человека. Мари непонимающе смотрела то на гота, то на деньги, а он только лишь взглянул на нее так, что она поехала, но потом решила и направилась к странному молодому человеку. Я быстро двинулась за ней, пытаясь не напороться на людей. Тем временем, «моя» Мари протянула парню деньги, он быстрым взглядом оценил сумму, потом сунул ее в карман, а взамен протянул девушке маленький бумажный сверток.

– В первый раз, да?

Мария уже осознала, в какую передрагу ввязалась. По ее глазам я поняла, что она хочет, как можно быстрее все это прекратить. Ей было страшно. Даже не просто страшно, она чуть не плакала от ужаса и беспомощности. Ничего не отве-

тив ему, Мари поспешила вернуться к Госту.

– Я уйду, – сразу же объявила она, – не знаю, в какие игры ты играешь, и знать не хочу. Не впутывай меня в это.

– Решила, что лучше замерзнуть на улице, чем замараться? – с насмешкой ответил Гост, зажав в кулаке наркотики.

Мари попыталась уйти, но гот схватил ее за руку и куда-то потащил. Я схватила ее за рукав, но не смогла потянуть в свою сторону, потому что сама не устояла на ногах. Так Гост завел нас в небольшую комнату со светлыми стенами, откуда тут же убрались парень с девушкой, которые ласкали друг друга у стены, потом он отошел к окну, а мы, ошарашенные, остались стоять посреди комнаты. Я снова потянула девушку к двери, но она осталась стоять, как вкопанная, он быстро развернул сверток. Мария отвернулась и закрыла лицо руками, скрывая ни то ужас, ни то отвращение.

– Зачем тебе нужно было заставлять меня покупать это? – спросила она после недолгого молчания.

– Новичкам всегда продадут лучшее, а тем, кто покупает часто, уже все равно примешано туда что-то или нет.

– Даже тебе? – спросила Мари, но ответ на этот вопрос ее мало интересовал, – и часто ты так развлекаешься?

– Нет.

Мария ему не поверила. Она схватилась за голову. Нужно было уходить как можно скорее, но она боялась, я это чувствовала. Боялась людей за дверью, боялась того, что сейчас случится, боялась Госта. Но кроме того она злилась, на него

и на себя. И его почти что ненавидела.

– А ради чего ты вообще живешь?

Он нахмурился. Мари покачала головой.

– Нет, ты не живешь, ты даже не существуешь! У всех есть какие-то цели, мечты, стремления, а у тебя нет ничего. Тебе наплевать! На себя, на других... Господи, да... тебе плевать даже на собственную жизнь! Это-то и есть самое страшное!..

Гост молча слушал ее пламенные речи, но его лицо осталось безразличным, а девушка все сильнее теряла контроль над чувствами, она не могла кричать, голос сипел и поскрипывал.

– Как ты можешь? – прошипела она. – Тебе никто не нужен. Есть ли вообще что-то, в чем бы ты нуждался? – Мари захотела было уйти прямо сейчас, но вновь остановилась. Он ведь бы ее не остановил. Ей стало так больно, что ее глаза начали застилать слезы. Девушка обернулась и заглянула в его безразличные серые глаза. – Что я здесь делаю?! – закричала она. – Зачем?! Тебе ведь нет до меня дела. А я трачу на тебя свою жизнь...

– Успокоилась? – спросил Гост после небольшой паузы.

– Нет! Не успокоилась! Я трачу свою жизнь на человека, которому глубоко наплевать на меня. Я пыталась что-то исправить... Ладно я, но твое безразличие к своей жизни... меня пугает.

Она быстрыми шагами направилась к двери, чувствуя на спине его ледяной взгляд. Руки дрожали, а слезы кати-

лись по щекам от обиды и еще больше от страха. И тут дверь захлопнулась прямо перед ней. Я знала, что это всего лишь сквозняк, но все равно это выглядело жутко. Девушка вздрогнула и задрожала сильнее, уже всем телом.

Я не дала ей больше ничего сказать, потянув за рукав куртки. К счастью, она послушно пошла за мной, открыла дверь и ушла. Мы быстро прорвались сквозь бесчувственную толпу. Мария оделась и обулась уже в лифте, чтобы ни на секунду не задерживаться в этом кошмаре. Ее продолжало трясти, голова пошла кругом от дымной духоты и алкоголя, от того же и тошнило. На остановке ждать она не стала и, несмотря на темноту и поздний час, бегом побежала до следующей остановки.

5 января

Если бы я только понимала, что творится между моей Марией и Гостом... Я не знала, как давно началась их история, но приложила все усилия, чтобы они ни разу не встретились после того случая. К счастью, Мария намеренно с ним встречи не искала, даже стала ходить на другую остановку после курсов. Но ведь наш город не такой большой, а центр и вовсе крошечный. У нас основным местом встреч всегда был парк Блонье, который расположился рядышком с главной городской улицей. Через него проходил весь общественный транспорт, да и все дороги, я знала, что, если бы Гост хотел найти Марию, это не составило бы для него труда. Но он не искал.

Я специально продолжала наблюдать за ним, подсознательно пытаюсь отыскать какие-то изменения в его поведении, но ничего не заметила. Он появлялся среди других гостей, когда те собирались на старом католическом кладбище, где уже много лет никого не хоронили, пил дома абсент, и почти всегда молчал, впрочем, Гост никогда разговорчивостью не отличался.

Но после того случая, я стала относиться и к Марии иначе. Да, я заботилась о ней, но уже не с таким трепетом, как будто бы мне нечего было делать в ее жизни, уже увереннее вмешиваясь в ее планы, если считала нужным, ведь я не могла избавиться от странной любви, которую я продолжала к ней

питать. Но смутило меня другое: я обнаружила, что несколько моих белоснежных перьев на левом крыле почернели. И я никак не могла понять, когда именно это случилось и из-за чего. Может, когда я позволила Мари пойти на поводу у Госта, а вдруг, из-за того, что избавилась от него? И это меня безумно тревожило. У меня появилась навязчивая мысль – вдруг, если все перья на моих крыльях почернеют, я исчезну? Исчезну совсем. И уже навсегда. Меня пугало это так, как может пугать смерть обычного человека. И я пообещала себе постараться сделать все, чтобы мои крылья не стали черными.

А в это утро я увидела еще одного человека, привлекшего мое внимание больше других. Это был мужчина тридцати лет, с виду ничем не примечательный и не бросающийся в глаза. У него были русые волосы и светлые голубые глаза, которые немного терялись на светлом вытянутом лице. Он тоже пренебрегал шапкой и шарфом и носил осеннее пальто, хоть и теплое с виду. Я проследила за ним до самого дома.

Мужчина жил один в двухкомнатной квартире с довольно большой кухней, где он проводил большую часть времени. Во всех комнатах хранились большие стопки всевозможных журналов и также много черновиков недописанных статей, а вот мебели было немного – только необходимый минимум. Он был журналистом, работал удаленно, много писал об искусстве в местных новостях и посылал свои статьи в город-

скую газету, а кроме того в столичные журналы. Этот человек не был доволен ни своей работой, ни жизнью, хотя заработанных денег хватало ему. А при том, что тратил он и без того мало, за годы подобной жизни у него скопились кое-какие деньги. Я захотела побыть с ним, потому перестала ночевать у «моей» Мари и задержалась здесь.

Мне нравились его привычки. Например, то, как он читал: будь то журнал, книга или распечатанная статья, он всегда при чтении держал левую руку за головой на затылке, иногда на шее, массируя позвонки. Я не замечала такого у других, и мне нравились эти мелочи. Еще я увлеченно следила за его мимикой и, конечно, любила смотреть его сны. Поначалу они были очень абстрактными, походили на яркие полотна авангардных художников, поэтому кроме каких-то расплывчатых образов я не могла ничего вспомнить наутро, но потом что-то поменялось. И, как я заметила чуть позже, изменились в его жизни не только сны.

Кирилл – так звали моего нового человека – вдруг резко приободрился. Работы не было сейчас так же, как и раньше, но гнетущее ощущение тревожности куда-то отступило. Он, а вместе с ним и я, начал чувствовать жизнь иначе.

И все это было связано всего-навсего с одной маленькой девушкой. Маленькое, хрупкое создание со светло-голубыми глазами, молочной кожей, светло-русыми выющимися волосами до плеч. Она была совсем небольшого роста и едва доставала макушкой до его плеча. Ее всегда окружали раз-

ные запахи: корица, миндаль, кофе, шоколад, лаванда, роза. Каждый раз другие, словно она вся была соткана из этих ароматов, кроме которых ничего о ней не оставалось. Они навяли моему Кириллу воспоминания и появлялись в голове после короткой встречи сами собой вместе с образами. Разве можно узнать, как пахнет улыбка или солнце? Оказалось, можно. И он сам не понимал, почему это стало происходить с ним, и он заметил ее только сейчас.

Девушка эта жила в соседней квартире, и, хотя Кирилл давно жил здесь, да и она не была приезжей, мой человек ничего о ней не знал и раньше даже встречал ее очень редко.

Как-то Кирилл по обыкновению заварил чай, поднес чашку к губам и почувствовал звонкий аромат лимона и меда, который его ошаршил, как неожиданный удар. Не привыкший к такому изобилию ощущений, он улыбнулся несколько смущенно. Это случилось после первой встречи моего человека и той загадочной незнакомки на лестничной клетке. Она тогда улыбнулась и скрылась в своей квартире, не сказав ни слова, но оставила сладкий запах кофе и корицы. Кирилл пробормотал что-то невнятно и все-таки сделал глоток.

18 января

Это было обычное скучное зимнее утро. Воскресенье. Ночь я провела у Марии. Я не смотрела ее сны и не слышала ничего особенного от нее, но чувствовала подавленность. Как призрак девушка шаталась по квартире, нигде не находя себе места весь прошлый день, так и сегодня она не была в настроении, чтобы куда-то идти или чем-то заняться. Мне же оставалось только наблюдать. Что же я могла сделать, если не знала, куда следует ее подтолкнуть? Я догадывалась, но не хотела верить, что это может быть связано с Гостом. Ведь прошло уже довольно много времени с их последней встречи, и все было хорошо... Насколько могло быть хорошо.

Я еще внимательно взгляделась в лицо моего человека. Ее бледная кожа походила на талый снег, которыми укрыло улицы.

Я вернулась к Кириллу в полдень, нам с ним в некотором роде повезло: мы встретили ее. Я заглянула в ее распахнутые мире глаза и уже испытывала к ней столько нежности, хотя продолжала ничего о ней не знать.

– Мы соседи, может быть, вы меня помните? – рискнул заговорить с незнакомкой Кирилл, пока мы поднимались на лифте.

– Помню, – ответила девушка и улыбнулась.

– Кирилл, – представился мой человек и протянул ей руку.

– Я знаю, – ответила незнакомка. Ее руки дрогнули, когда она повторила чуть слышно его имя, потом девушка несколько замешкалась, прежде чем пожать протянутую руку.

– Знаешь? Ты читала мои статьи, может быть? – с несвойственным ему задором, выпалил мой человек, хотя прекрасно понимал, что это скорее всего не так. Девушка покачала головой в ответ. – Тебе, наверное, что-то про меня рассказывали?

– Ну, можно и так сказать.

Лифт запищал, а через какое-то время открылись тяжелые двери. Мне всегда не нравилось кататься на лифте, а теперь и подавно, то и дело я боялась, что мои крылья заденут кого-нибудь или их прищемит тяжелыми дверями.

– Надеюсь, они хорошо обо мне отзывались, кем бы ни были, – продолжал Кирилл, остановившись между своей и ее дверью посреди лестничной клетки.

– Они всегда говорят только правду, – успокоила нас девушка, не останавливаясь и не поднимая больше на Кирилла глаз.

– Погоди... Как тебя зовут? – спросил мой человек, когда

уже зазвенели ее ключи, а она остановилась у двери.

Девушка обернулась.

– А разве это важно? – она вдруг взглянула на него особенно, как будто искренне не понимала, но в тоже время по-доброму смеялась глазами.

– Я хотел бы знать. – Кирилл и сам замешкался, удивленный и даже немного разочарованный тем, что звонкоголосая особа, улыбающаяся ему своими огромными синими глазами, не хочет продолжать знакомство.

– Ты можешь называть меня, как тебе угодно, – засмеялась она. – Ну а вообще я Маргарита, – после короткой паузы все же призналась девушка, словно ужасно не любила свое имя.

Кирилл сделал несколько шагов ей навстречу.

– Очень рад нашему знакомству. Может?..

– Не думаю, – отрезала Маргарита, не дослушав, и ее голос потерял в миг легкость. Уже через мгновение она скрылась за дверью.

Кирилл разочаровано вздохнул и пошел к своей двери. Я не могла оторвать взгляд от захлопнувшейся за девушкой двери, мучаясь от желания заглянуть в ее квартиру, ощутить тепло, которым Маргарита заполняла все, где появлялась, в полной мере. То же самое чувство душило и моего человека. Именно тепло привлекало его с самой первой их встречи. Но мне попасть к ней в дом было не просто. Окна зимой почти никогда не открывают, а караулить открытую

дверь можно было целыми сутками, поэтому я искренне надеялась, что Кирилл решится что-нибудь сделать, но, к нашему с ним счастью, Маргарита вскоре появилась сама.

30 января

В последнее время я почти не навещала Марию, полностью увлеченная жизнью Кирилла, которая стала меняться прямо на глазах. Он мне очень нравился. Его русые волосы, немного даже рыжеватые, продолговатое бледное лицо, добрые голубые глаза, особенно печальные в последнее время, прямой нос, тонкие розовые губы. Он не позволял себе щетину, даже когда подолгу не выходил из дома, и был достаточно придирчив к тому, что касалось его внешнего вида и комфорта, даже маленькое пятно на домашней одежде, его раздражало, что совсем ему, однако, не мешало жить в окружении крошек на столе и грязной посуды. Кирилл был хорошо сложен: у него были широкие плечи, сильные мускулистые руки, что немного странно для того, чье главное оружие – это слово. Мне особенно нравились его руки – красивые, с длинными прямыми пальцами, но в тоже время не худые, а привыкшие к работе, с проступившими венами, пронизывающими ладони и пальцы. Хотя я ни разу не видела, чтобы он что-то делал руками, кроме того, что изредка мыл посуду, чаще просто ополаскивал свою чашку, потому что пил он всегда только из нее, печатал на компьютере и писал от руки.

В этот день у моего человека было отвратительное настроение. Кирилл вернулся из редакции раньше обычного, у него

состоялся очень жесткий разговор с начальством, которое требовало переписать четыре негодные статьи, а я, как верная, но невидимая жена, встречала его у порога. Он раздраженно сорвал с шеи шарф, который я нашла и убедила носить, чуть ли не срывая пуговицы, расстегнул пальто и бросил его на пол в прихожей. Мне бы хотелось подойти к нему и, положив руку на плечо, спросить, что же случилось, но я не была ему женой, а он понятия не имел о моем присутствии, поэтому я не решилась сводить его с ума.

Кирилл едва избавился от обуви, отправился на кухню и включил электрический чайник, который из-за довольно малого количества воды почти сразу же зашумел. Я последовала за ним. Когда я зашла, мой человек стоял, согнувшись и опираясь обеими руками на стол, посреди кухни, устремившись испепеляющим взглядом в чашку, которая осталась на столе после завтрака.

В этот момент мне было ужасно его жалко. Он ведь не был виноват, что в его жизни все получается не так гладко. Я знала, что мой человек хочет и изо всех сил пытается изменить свою жизнь, и гордилась им, но, видимо, его сил и моей гордости все-таки было слишком мало. Раздался щелчок закипевшего чайника. Мой человек вдруг схватил чашку и с неистовой силой бросил ее на пол, так что в ушах загудело. Я отшатнулась от грохота и испуганно смотрела на прыгающие по полу осколки. Кирилл закрыл руками лицо, дрожа не то от гнева, не то от страха, который вызвал у нас обо-

их. Ни он, ни я не знали, что делать дальше, будто эта разбитая чашка символизировала конец его привычной жизни, пусть и унылой, а теперь должно было начаться что-то совсем невыносимое.

И тут – звонок в дверь. Спасительный звонок в дверь. Судорожно приходя в себя, взъерошив по пути волосы, Кирилл побрел в прихожую, чуть было не задев меня плечом. Я оставалась на пороге кухни, откуда мне была видна входная дверь. Он не стал смотреть в глазок, но и не сразу справился с замком, дав себе время, чтобы не встретить не званых гостей видом безумца. Наконец, он взял себя в руки, выдохнул и открыл дверь.

– Я не помешаю? – зазвенел нежный высокий голос.

Когда дверь открылась достаточно широко, я увидела ее, хотя и так сразу поняла, что это она. Маргарита смотрела на Кирилла своими распахнутыми миру глазами, и он уже тонул в них, забыв о вспышке гнева, что только что заставила его начать бить посуду, о разочаровании, которое давило его и отягощало возвращенной работой. Девушка зашла и, пока Кирилл закрывал дверь, отправилась напрямиком на кухню, по пути подняла брошенное им пальто и повесила его на крючок, сделав это так непринужденно, словно уже привыкла. Кирилл сразу же бросился за ней и увидел, как Маргарита наклонилась и взяла с пола один из осколков.

– Все сегодня валится у меня из рук, – зачем-то принялся оправдываться мой человек, нервно касаясь пальцами за-

тылка, – а ведь это была моя любимая чашка.

Чашка, правда, была хороша: аккуратная, белая-белая, без всяких рисунков и надписей, с удобной ручкой, достаточно тяжелая и большая, но при этом не громоздкая. Я сама любила крутить ее в руках, пока он не видит.

– Можно, я возьму? – спросила девушка, показывая большой осколок, который она держала в руках.

– Бери, – непонимающе пролепетал Кирилл, пожимая плечами.

– Спасибо.

Сказав это, Маргарита направилась к выходу.

– Ты пришла только за этим?

– Конечно, нет, – улыбнулась ему она и подмигнула, – я пришла, чтобы спасти тебя.

Он замер на пороге, не понимая, как она собирается его спасти и как она вообще узнаёт обо всем. А я, воспользовавшись случаем, пошла за ней.

Ее поступок удивил, вернее, поразил, меня, и теперь я предвкушала увидеть в ее квартире что-то... необъяснимое. Но первое впечатление меня немного разочаровало: маленькая узкая прихожая, свет в которой Маргарита не включала, поэтому мне сложно было хоть что-то разглядеть. Девушка сразу же прошла в свою небольшую комнатку и вместо того, чтобы включить свет, зажгла свечу. Толстую белую свечу, стоявшую на подсвечнике с мордами двух волков. В приятном полумраке я медленно обошла комнатку. Мебели было

немного: кровать, книжный шкаф, забитый книгами, комод и довольно узкий стол, за которым и сидела девушка. Меня поразило другое: огромное количество всяких шкатулочек, деревянных и металлических, больших и маленьких, которые были везде, и в шкафу, и рядом с кроватью, и на столе, и даже на полу. Еще в комнате было большое зеркало, почти до потолка, но довольно узкое. Оно висело на пустой стене, слева от шкафа, отражая кусочек окна и вместе с тем неба.

Маргарита долго сидела, не выпуская из рук осколок любимой чашки Кирилла. Я присела на кровать, заглядывая ей в лицо. Оно меня испугало своей безучастностью, так как ничего не выражало, никаких эмоций, как будто принадлежало статуе или маске. И тут вдруг статуя улыбнулась, с неподдельной нежностью выдвинула ящик стола и что-то оттуда достала, после чего, взяв в руки подсвечник, вышла в центр комнаты и села на пол спиной к зеркалу. И тут я, наконец, поняла, что же было у нее в руках. Я тихонько переместилась на пол, поближе к ней. А девушка, поставив свечу около себя, начала тасовать большие красивые карты. Я видела до этого Таро, но они казались мне какими-то обычными, неинтересными, а эти были чем-то особенным. Девушка продолжала мешать карты, время от времени разделяя колоду на две части и переворачивая половину, оказывающуюся в ее левой руке. Какой же красивой была Маргарита в этот момент. Волосы блестели от света свечи и отливали красным, глаза казались черными-черными, как будто забыли

о родной голубизне, но у нее было настолько умиротворенное и спокойное лицо, словно девушка медитировала. Она начала раскладывать карты перед собой. Я ничего не понимала в этом, а девушка молчала, поэтому всё, что мне оставалось – следить за ее лицом. Сначала она принимала сказанное картами как должное, затем улыбнулась, но в какой-то момент девушка насторожилась, нахмурила брови, так что между ними образовалась складочка. «Нет-нет-нет...» – зашептала Маргарита, смешала карты, аккуратно, но торопливо сложила их обратно в колоду и, встав на колени, дотянулась до ящика, куда положила эту колоду, и достала другую, на этот раз обычных игральных карт. Расклад был другим в своей технике, но эмоции на лице девушки те же. Она вздохнула и вернула карты на место. Я из любопытства успела заглянуть в ящичек и увидела там еще несколько колод Таро. Разного размера и с разными рисунками, но все они показались мне какими-то особенными.

Маргарита вернула подсвечник на стол и задула свечу, после чего направилась на кухню. Я некоторое время сидела на полу одна в темной комнате и не могла привести мысли в порядок. Нет, я не осуждала ее за это довольно странное увлечение и не боялась тогда её карт. Просто многое мне стало как будто бы чуть более понятным.

Маргарита сидела на кухне с чашкой чая с молоком, но уже при электрическом свете. В левой руке она продолжала держать осколок, словно никак не могла придумать, как же ей сдержать обещание и спасти моего человека.

Ее квартира была очень маленькой, особенно если сравнивать с жилищем Кирилла: маленький коридор, маленькая кухня, маленькая ванная комната, небольшая спальня. Создавалось впечатление, что они живут не просто в разных домах, а в разных городах. Он в большом мегаполисе, а она в крошечном провинциальном городишке, еще более далеко от столицы чем тот, где мы на самом деле жили.

Маргарита работала в кафе-баре в центре, не так далеко от дома, в минутах двадцати ходьбы, по четным дням – разносила еду днем, по нечетным – наливала напитки ночью. Судя по всему, жизнь у нее тоже была не из легких, но она не жаловалась. У нее было много знакомых, хотя жизнь де-вушка вела одинокую. Родни, как и у Кирилла, в нашем городе не было, приходилось за все отвечать самой и рассчитывать только на себя.

Глядя на нее, я впервые задумалась о том, насколько необычными, даже особенными были мои люди, что Мария, что Кирилл, Маргарита и даже Гост. Они ведь казались неприметными сначала, но я видела в них столько всего, что

не могла не признать удивительность каждого, и, растрогавшись, гордилась ими всеми, не понимая, что за очень короткий срок стала ими одержима.

14 февраля

Маргарита и Кирилл теперь довольно часто виделись, обычно сидели на кухне в его квартире и разговаривали часами, когда обоим не нужно было работать. В свою квартиру – в свой мир – она его не пускала. Мне кажется, боялась, что он поймет ее не так или не захочет понимать все те мистические мелочи, которыми Маргарита придавала огромное значение. Она не хотела меняться, отказываться от себя, но боялась неодобрения, относясь с огромным уважением и трепетом ко всему, что он считал важным. Но Кирилл не настаивал и не давил, позволяя ей открываться ему нарочито медленно, без рывков, он боялся, что Маргарита когда-нибудь уйдет из его жизни так же неожиданно, как и появилась, а потому принимал любые ее правила, которые, как ему казалось, она устанавливает. Вообще-то это был лишь самообман с обеих сторон, а я не вмешивалась, тоже волнуясь, что могу навредить. Так они стали отличной поддержкой друг для друга и вдохновением.

Но стоило наладиться здесь, как я почувствовала необходимость быть с Марией. Она чахла, целиком посвятив себя учебе, потому что больше заниматься было нечем, она не училась. Посвятив себя себе, собой не занималась. Ей было все равно, что будет дальше. Будущее перестало что-то значить и перестало существовать, как ориентир, к которо-

му можно и хотелось бы двигаться. Все лишилось дымки, которую можно было принимать за смысл. Тогда-то я и начала с особенной силой сомневаться в правильности решения насчет Госта, ведь с ним почему-то было лучше. Головой я понимала, что ничего исправить им нельзя, он может только разрушать, но я не могла заставить себя найти Госта и повлиять на него. Я просто надеялась, что он появится сам собой, как это всегда и было, и все сразу же станет на свои места. Даже не знаю, чего я ждала от этой встречи, потому что и настолько же ее боялась.

И он появился. Как всегда, неожиданно. В последний день второй недели февраля. Мария возвращалась вечером домой, когда увидела его около своего дома. Он курил и глядел на нее исподлобья, он ждал ее, как затаившийся зверь. Волосы Госта теперь были полностью покрашены в белый, которые желтили фонари. Я видела, как испуганно и взволнованно забегали ее глаза, слышала, как участилось ее дыхание. Стоять в стороне было нельзя, нужно было собрать все свое мужество и пройти мимо Госта. Девушка сжала кулаки и пошла, уставившись в землю.

– Здравствуй, – сказал он довольно тихо, – пожалуй, извини, что так вышло.

Мария обернулась и посмотрела на него, ее удивило не меньше, чем меня, извинение Госта. В нем не звучала искренность, но не было и издевки, и уже то, что он извинялся, было странным и казалось неправильным.

– Ничего не хочешь мне сказать? Или, вернее, высказать? – спросил Гост, когда молчание затянулось.

– Мне не о чем говорить с тобой, – отрезала девушка, снова опустив голову и не отрывая уже взгляда от земли.

– Уверена?

Я похолодела от голоса Госта, а где-то внутри проснулась ярость в ответ на усмешку, таившуюся в его взгляде, тогда я подумала, что если он приблизится к моему человеку хоть на шаг, то я кинусь на него и сведу с ума, вцепившись своими невидимыми пальцами в его волосы.

– Может, тебе знакомо такое чувство, как разочарование? Когда смотришь на то, что когда-то было по неясной причине тебе ужасно дорогим и нужным, и не понимаешь, как.

Голос дрогнул. Сказав это, девушка развернулась и быстро зашла в подъезд, оставив позади и меня, и его. Он бросил остаток забытой сигареты, которая истлела у него в руках, но не стал доставать из пачки новую. Я смотрела на Госта, которому не перед кем было казаться холодным, мрачным и пугающе жестоким. Он стоял передо мной обезличенный, если не сказать растерянный, явно представляя эту встречу иначе, а мне хотелось кричать от радости и истоптать его по сильнее. Не знаю, откуда взялась во мне эта злость, но так уж хотелось отплатить ему за все те страдания, которые я видела и еще увижу в жизни моей маленькой девочки, которая не могла спокойно спать из-за кошмаров, которая почти не улыбалась, которая боялась идти по улице, потому

что не хотела увидеть его снова. Гост скоро вновь сделался безразличным и закурил. Но я все равно радовалась. Какой бы не был мелочью этот разговор сегодня, он был очень нужен моему человеку, чтобы пойти дальше и навсегда оставить этого человека за дверью.

15 февраля

Утро. Еще настолько рано, что на улице темно, хотя зимой всегда ночи слишком длинные. Мария спит, укутавшись в одеяло и прижимая колени к груди. Этой ночью я побоялась проникнуть в ее сон, если мы бы что-то и увидели, то, несомненно, это был бы Гост. Я хорошо помню вчерашний вечер: как истерично метался мой человек по пустой квартире, нигде не находя себе места, даже в комнате брата, потому что и он теперь напоминал о Госте и о словах, что она сказала. Мария освободилась и теперь, казалось, не знала, что делать с этой свободой. Сперва она была очень довольна собой, но потом внутри осела тяжесть. К сожалению, ее жизнь была совершенно пустой без Госта, и теперь нам пришлось это признать, и даже я поняла, что радовалась слишком рано и история закончена лишь на половину. Так просто никого из своей жизни не выкинешь. И не важно погиб он или разочаровал. Я заботливо провела рукой над головой своего человека, почти касаясь волос.

Мария начала ворочаться и затем потянулась к будильнику, который я вчера вечером завела. Девушка вытащила батарейки и положила вместе с умолкнувшими часами на пол. Ни в какую школу она не собиралась, вновь закрыла глаза, но заснуть уже не смогла. Прележав так минут десять от силы, Мари встала и прошла мимо меня к письменному столу,

где лежал мобильник. Было только полседьмого утра. Через ее плечо я смотрела, как она находит в списке контактов номер брата. Какое-то время Мари не могла решиться нажать кнопку вызова, и я уже подумала, что она не решится.

Мария замерла, прижимая телефон к уху и вслушиваясь в механический голос, который напоминал ей о том, что по этому номеру до Артура не дозвониться.

– Ну, почему... почему... почему?.. – застонала она, сдерживая слезы. – Почему для меня тебя нет?! Никогда нет! – девушка с силой бросила телефон в стену и рухнула на пол, уже не сдерживая рыдания.

Мне было так больно смотреть на нее. Очень хотелось обнять ее за плечи, но ведь ничего кроме холода Мари бы не ощутила. И тогда я почувствовала, насколько ничтожна и беспомощна.

Чем дальше я оставалась с Марией, тем хуже чувствовала себя. Нет, она вскоре успокоилась, но в ее спокойствии я видела большую опасность, чем в слезах. Девушка казалась неживой, серой, как плохо стертый ластиком карандаш. Тогда я решила попробовать ввести в ее жизнь самого живого человека, из всех моих людей. И этим человеком была, конечно же, Маргарита.

Попасть в дом Кирилла было труднее, чем в дом Госта,

который даже зимой держал окна открытыми настежь, впрочем, непросто было и выбраться из квартиры Марии. Пришлось вылить молоко в раковину и надеяться, что девушке будет не лень дойти до магазина во благо привычки пить утренний чай или кофе только с молоком. Но сегодня мне везло, что мой человек оказался себе достаточно верен, к тому же я довольно легко проникла в подъезд: кто-то придержал дверь кирпичом, а уж квартиру зашла только из-за рассеянности моего Кирилла. Он забыл закрыть входную дверь, когда Маргарита пришла к нему утром – сегодня она работала в баре. Так что я тихонько опустила ручку входной двери и уже оказалась в просторном доме Кирилла, согретом появлением подруги.

Они как всегда болтали на кухне. Я заметила в коридоре сумку, которая явно принадлежала не моему человеку. Оправдываясь мыслью, что не человек уже, я заглянула внутрь и, даже не копаясь, заметила ее дневник – красивую записную книжку с нелинованными страницами. Все еще успокаивая совесть, я открыла его.

Маргарита записывала там и свои сны, которые, по ее словам, иногда сбывались, и какие-то мысли, рассуждала и спорила сама с собой, записывала понравившиеся стихи и строчки из песен, в качестве эпиграфов. В некоторых записях я узнавала художественные тексты, она сочиняла короткие рассказы или же набрасывала идеи для чего-то большого и значительного, а потом снова вдруг возвращалась к тому,

что просто размышляла от руки. Последней фразой было: «В последнее время я замечаю за собой, что не помню некоторые свои действия и события, которые недавно произошли со мной». И тут же меня посетила идея. Я достала из сумочки ручку и, стараясь подражать почерку, написала номер Марии и добавила «нужно обязательно ей позвонить!», затем вернула все на место. Теперь мне оставалось только ждать.

Вечером того же дня Маргарита мне доверилась и позвонила. Я тогда сидела вместе с Марией у нее на кухне. Девушка апатично смотрела в окно, на огни окон соседних домов, которые смешивались в скучные узоры, когда телефон вдруг зазвонил. Мария вздрогнула, как будто очнувшись, поставила чашку на подоконник, подошла к столу и, взяв телефон в руки, пыталась узнать незнакомый номер, но потом все-таки ответила.

– Здравствуйте, – сказал незнакомый ей женский голос, – честно говоря, я не помню, кто вы и зачем я должна была вам позвонить, извините, мы с вами о чем-то договаривались?

– Нет, – непонимающе ответила Мари, – Кто вы?

– Меня зовут Маргарита, вы меня не помните?

– Мне кажется, мы не знакомы, а вы, должно быть, ошиблись, – нерешительно продолжал мой человек и уже хотел было закончить разговор и повесить трубку.

– Тогда, думаю, мы могли бы познакомиться, – не отступала девушка, и я по голосу понимала, что она приветливо улыбается, – я не верю в случайности, и если уж я позвонила по незнакомому номеру, который нашла в своем дневнике, то это наверняка было кому-то нужно.

– Наверное, – неуверенно ответила Мария и тоже улыбнулась, предчувствуя что-то, что сможет привнести в приевшийся ход дней эта странная девушка, доверяющая неслучайным случайностям.

После этого два незнакомых ранее человека проболтали по телефону весь вечер. Мне оставалось только тихо гордиться собой. Мария действительно оживилась, причем за какие-то несколько минут. Маргарита была удивительным человеком, она находила подход к любому за считанные секунды и, видимо, считала своим предназначением душой помогать тем, кто в этом нуждается.

16 февраля

На следующий же день, Маргарита встретила с Марией. Было воскресенье, ей не нужно было идти на работу, а Мари прогуливать школу, так что еще до полудня Маргарита позвонила к нам в дверь.

– Я не ждала тебя так рано... – пролепетала хозяйка, когда увидела новую знакомую на пороге. Она тоже на какое-то время растворилась в ее топазный глазах, а, может, все дело было во взгляде, с какой открытостью Маргарита впускала людей в свою душу, подобно мне.

Девушки расположились на кухне. Они разговаривали о всяких мелочах, пили чай с молоком, узнавали друг друга лучше, хотя уже складывалось ощущение, что знакомы мои люди всю жизнь. Я улыбалась. Все вышло куда лучше, чем я представляла, хотя я и действовала, не успев подумать об успехе своей безумной затее. Я посмотрела на свои крылья – черные перья не стали белыми, черных даже стало немного больше, но меня это на тот момент не волновало, все было так, как и должно было быть. Хотя мне самой не верилось, что два человека так легко сошлись, просто доверившись ошибке, которую, как им казалось, подкинула им жизнь.

– Почему ты не хочешь измениться? – спросила Маргарита, и эти слова вновь заставили меня прислушаться к их

разговору. – Все, что мешает тебе жить так, как ты бы хотела, в тебе самой. Изменись, и мир вокруг тоже изменится. Я не рассказываю тебе какие-то новые истины, ты должна все это понимать и так. Поменяй привычки, придумай новые занятия, например, вместо чая начни пить кофе: купи турку, разные сорта кофейных зерен, учись варить арабский, турецкий кофе, экспериментируй! Действуй! Никто за тебя не сделает твою жизнь лучше.

Маргарита тепло улыбнулась. Она сказала за меня все. Мария потупила взгляд, не зная, что ответить. Ее тонкие пальцы забарабанили по столу.

– Я все это знаю... не знаю, как.

– Ты появилась в моей жизни неслучайно, – повторила Маргарита, – или я в твоей. Я верю в судьбу, верю в приметы, это не была случайность, и я не просто так «ошиблась номером». Это Судьба привела меня в твою жизнь.

Мне было и радостно, и страшно от этих слов. Казалось, что вот-вот Маргарита посмотрит на меня, заглянет мне прямо в душу, которой у меня больше как будто бы и нет, и подмигнет. На миг захотелось сказать им, что да, все это неслучайно, что кто-то спланировал их встречу, и этот кто-то рядом с ними и сейчас. Но, к счастью, я удержалась.

– Кофе... а что, хорошая идея, – оборвала затянувшуюся тишину Мария, – правда, я никогда кофе не варила. Научишь?

Маргарита кивнула и поднялась. Они вместе стали ис-

кать в доме кофе и турку. Турка на радость нашлась, старая алюминиевая, которую, судя по слою пыли, давно не брали в руки. Молотого кофе у Мари не было, зато нашлись зерна и ручная кофемолка, которую по назначению и не использовали. Одна молола зерна, другая девушка вымыла турку. Они смеялись, а в воздухе уже чувствовался запах настоящего кофе. Затем Маргарита насыпала в турку две ложки кофе, две ложки сахара и добавила щепотку соли, пояснив, что это самое главное, налила холодной воды и поставила на плиту. Пока они ждали, Маргарита рассказала еще несколько секретов, одним из которых было то, что лучшие турки, по ее мнению, медные, а еще, что пенку нужно «поднимать» несколько раз.

Маргарита разлила кофе в две маленькие чашечки.

– Можно добавлять корицу, гвоздику или кардамон, – тихонько с наслаждением рассказывала Маргарита, как будто передавала Марии тайный рецепт божественного напитка.

– Будет интересно, – улыбнулся мой человек.

24 февраля

Не думала, что когда-нибудь скажу это, но в определенный момент я устала от людей, даже от своих. Я совершенно растворилась в них, я даже не заметила, что с момента моей смерти прошло почти три месяца. Но сегодня я почему-то вспомнила о себе. Я уснула, обвивая руками руки Кирилла, видела его странные сны, похожие на мир абстрактной картины, все было совершенно обычно. Но...

Когда я проснулась, в моей голове возник вопрос. Довольно простой, но, когда я осознала, что не могу вспомнить ответ на него, меня сперва охватила горечь и грусть, но чем больше я понимала, тем ужаснее себя чувствовала. Я встала с кровати и совсем как человек побрела в ванную, застыла перед зеркалом и ничего не увидела. Я коснулась рукой своих волос, которые почему-то были короткими настолько, что я даже не могла посмотреть, какого они цвета. Я стояла и всматривалась в пустоту. Не помнила даже как выглядела до того, как умерла, а теперь и вовсе не представляла, как выгляжу. Но не этот вопрос заставил меня стоять сейчас здесь.

Я бесшумно побрела на кухню. Как на автомате поставила чайник, достала чашку и заварку, достала даже молоко. А как я любила пить чай раньше? С молоком? С лимоном? Сколько ложек сахара добавляла? А может я предпочитала

кофе? Кирилл любил эрл грей, а Маргарита всегда пила чай с молоком, не важно черный или зеленый. Я сделала все так, как они любят. Попробовала, но не чувствовала вкус. Я поставила чашку на стол и замерла.

Я здесь? Я вообще существовала? И если да, то, как я могу...

Как я могу не помнить того, что было моей жизнью? Все эти невероятно важные мелочи, которыми я так стараюсь наполнить жизни моих людей. Все эти детали, без которых бы ничего не существовало.

Я села на пол, мне показалось, что я делала так раньше. Все мое существование за эти три месяца показалось мне совершенно пустым... бесполезным.

А все из-за одного только вопроса:

Как звали того моего друга, который погиб?..

И я не помнила...

12 апреля

Это утро было пасмурное, я бы даже сказала хмурое, такое же, какой была жизнь моих людей последние месяцы. Они словно все впали в спячку, из которой ни я, ни Маргарита их вывести не могли, поэтому я днями напролет летала над городом, бродила по пустынным улочкам, слушая тишину. Но сегодня, на одной из таких опустевших улицах я встретила девушку, которая заставила меня остановиться и долго-долго не сводить с нее глаз. И не знаю, то ли дело в ее ярко-рыжих волосах по плечи, которые бросались в глаза, то ли в зеленых глазах, то ли в том, как жизнерадостно вприпрыжку бежала она по улице, перепрыгивая лужи, слушая свою музыку, которая играла у нее в ушах. Но уже тогда, с первого взгляда, я поняла, что это мой человек, что я ничего не знаю о ней, но уже люблю. И я пошла за ней.

Она привела меня в парк, где ее уже ждала девушка, настраивающая фотоаппарат. Они не были близко знакомы, но общались непринужденно. Девушка-фотограф во время всей съемки, которая длилась около двух часов, все время что-то спрашивала, располагая к себе модель, чтобы та расслабилась и была естественной. Из их разговоров я узнала много важных для меня мелочей, а также их имена: рыжую звали Алина, но она сразу же попросила называть ее только Алей, фотографа – Катерина. Аля до этого работала и с дру-

гими фотографиями и не так давно стала снимать сама. Катерина рассказывала о своей подруге, которая, по ее словам, была ее точной копией во всем, кроме разве что внешности, но их и без того принимали за сестер. Кстати о внешности, Катерина тоже была зеленоглазой, а кроме того шатенкой, и мне ужасно нравилось, как она время от времени взмахом головы поправляла косую челку.

Эти два часа пролетели для нас троих очень быстро, девушки были увлечены съемкой, я – ими. Они были глотком свежего воздуха для меня. И когда пришло время расходиться, я никак не могла решить, за кем последовать. Но пошла я за рыжей. Возвращалась она не той одинокой дорогой, а по большой забитой людьми улице, которые появились там как будто нарочно, и мне пришлось лететь над ней, чтобы ни на кого не наткнуться. Аля была полностью погружена в себя, и в музыку, звучащую в наушниках. Я же почувствовала тревогу. Необъяснимое предчувствие, которое заставляло меня озираться по сторонам. Я взлетела выше и только тогда увидела машину, которая мчалась с огромной скоростью прямо на моего человека. Аля ее не видела, я рванула вниз и сбила ее с ног. Представляю, как она испугалась. Пока девушка приходила в себя, поднималась и отряхивалась, машина промчалась дальше.

Я провела девушку до самого ее дома, но это ужасное чувство, разрывающее мою душу, никуда не делось, поэтому я полетела обратно, в центр города, благо было близко. Но я

опоздала. Я заметила машину, она врезалась в фонарь, отчего превратилась в гору металла, а фонарь согнулся от удара в живот. Парень, который был за рулем, сидел поблизости и плакал, обхватив руками голову, сквозь его пальцы сочилась густая кровь. Где-то вдалеке я слышала сирену скорой помощи. Впервые я слышала в ушах как будто бы стук сердца. Мне было страшно. Я знала, что увидела не все. И тут я увидела два тела... Знакомые черные сапоги, с Микки Маусом, которые я видела только полчаса назад... Их неуместная детскость запала мне в душу, я не могла перепутать. Я не могла поверить.

На земле лежали моя Катерина и моя Мария. Я подошла, не помня себя, чтобы проверить пульс. К счастью обе они были живы. Но меня трясло от злости, я ринулась к парню, уже на расстоянии чувствуя запах алкоголя. Когда я подошла, он отнял руки от лица, и я его узнала – один из дружков Госта. Конечно же, без него ведь не могло тут обойтись. Я замахнулась и ударила гота по лицу так, что у него на щеке остался белый след от моей ладони. Я посмотрела на свои крылья, еще несколько перьев почернели, не знаю правда, от того ли, что я ударила человека или потому что не остановила машину, но это было и не важно. Приехала скорая, моих людей забрали в больницу.

Их поместили в одну палату. Небольшую, там было всего две кровати, одна напротив другой, и тумбочки рядом с каждой. Я сидела на подоконнике, напротив двери, слева от меня

лежала Мария, справа Катрин. Мари досталось сильнее, оказалось, что она увидела машину, несущуюся прямо на Катерину, и кинулась к ней. Если бы ей не удалось ее оттолкнуть, девушка, которую я знала всего пару часов, наверняка погибла между фонарем и капотом. Я не могла об этом даже думать.

Прошло около двух часов, прежде чем одна из них пришла в себя. Катерина лежала головой ко мне, она попыталась сесть в постели, но все тело так болело, что ей это не удалось. Она повернула голову и долго смотрела на девушку, лежащую без сознания. После Катрин уставилась в потолок и лежала так, не шевелясь, некоторое время. А потом она вдруг сказала:

– Ты здесь... Я знаю... Я чувствую, ты здесь...

Я оторопела. Я даже не могла быть уверена, что девушка обращается ко мне, и не должна была, наверное, ей отвечать, кто знает, может, это все было последствием шока или еще чем. Но я хотела. Ужасно хотела.

– Я здесь, – тихонько сказала я и почувствовала, как по моему телу или по моей душе растекается тепло.

– Это ты послала ее, чтобы спасти меня? Ты ведь мой Ангел Хранитель, да? – пролепетала девушка.

– Можно и так сказать, – все еще нерешительно отозвалась я.

– Я знала, что ты есть. Но теперь чувствую.

От этих слов мне стало не по себе, но, тем не менее, от это-

го короткого разговора во мне появилось странное ощущение счастья, такого неуместного сейчас. «Я здесь», – беззвучно сказала я и, не сдержав улыбки, прикоснулась кончиками пальцев к своим губам.

– С ней все будет хорошо? – спросила моя Катрин, вновь повернув голову к Марии.

– Конечно, – ответила я.

– Ты знаешь, как ее зовут?

– Мария.

– Хм, а она красивая, – Катерина улыбнулась, – надо будет сфотографировать ее, как только мы выберемся отсюда и избавимся от всех этих синяков.

Я не придумала ничего лучше, как повидать Госта, после сегодняшних событий. Он как всегда оставил окно нараспашку, и, когда я проникла в квартиру, то застала его сидящим на диване с сигаретой в руках. Наверное, к этому моменту в его крови было уже порядочное количество разного рода веществ, потому как он просто сидел на диване, почти не шевелясь, и смотрел в никуда. Его глаза были ледяными как обычно, да и на лице не было никаких признаков опьянения, впрочем, эмоций не было тоже. Я его, пожалуй, все еще ненавидела, но, возможно, не так сильно, как раньше.

Я прислонилась к его столу, так чтобы быть напротив,

но в тоже время не перед его взглядом, который мне все еще было тяжело переносить. Мне было интересно, о чем он думает, какие мысли сейчас могут быть в его голове, знает ли он вообще о случившемся? По его виду сложно было судить.

И тут раздался телефонный звонок. Не меняясь в лице и даже не переводя взгляд, Гост одной рукой поднес трубку к уху, а другой вытащил изо рта сигарету.

– Гост, ты знаешь, тут такое произошло... – услышала я голос той девицы, с которой когда-то видела его, – тот парень... ну, который взял у тебя машину, он сбил сестру Артура.

И первым вопросом Госта было:

– Он сбил ее на моей машине?

Я уже ожидала чего угодно: равнодушия или лицемерия, подлости... но этот это невыносимый цинизм. Как будто ему было плевать, жива она, как там этот парень... Люди, сло-манные человеческие жизни – все ерунда, кровь на машине – несомненно, важно. Во мне все закипало от ненависти к нему.

– Да, Гост, она в больнице. Надо звонить Артуру, но я боюсь. Поговори с ним, помоги, все-таки тут дело касается твоего друга. Гост, он один из нас. Любой мог бы быть на его месте.

Она все говорила, а он молчал, наконец, не сказав ни слова, сбросил и через какое-то время все-таки набрал брату Марии.

– Гост, что-то случилось? – я услышала приятный, немного басистый голос.

– Да, тут такое дело... Твоя сестра. Она в больнице, ее сбила машина, – голос Госта прозвучал спокойно, но льдом уже не отдавал.

– Известно, кто был за рулем? – прорычал Артур.

– Пьяный ублюдок. Я сам разберусь, не беспокойся об этом. – пауза, после которой Гост выдохнул: – Ты бы... приехал.

– Не могу сейчас, – резко ответил голос на том конце, – по-заботься о ней. Ничего такого, навести пару раз в больницу, спроси врачей... Я тебя прошу, – эта последняя фраза прозвучала как-то по-особенному, немного властно, но в то же время как будто бы с неохотой. В воздухе повисла тишина, Гост закрыл глаза.

– Сделаешь?

– Да.

13 апреля

Гост свое слово сдержал. На следующий же день, около полудня он появился в больнице. Я сидела на подоконнике, Катрин дремала, а Мария пока так и не пришла в себя. Гост остановился на мгновение в дверях и, наверное, хотел сразу же уйти, но почему-то остался. Он бросил взгляд на девушку-фотографа, а потом посмотрел на Марию, такую бледную, с синяками на лице и руках, только на волосах играли солнечные блики, спрыгнувшие с окна. Гост смотрел на нее, а потом вдруг резко вышел из палаты и покинул больницу так быстро, словно бежал с тонущего корабля, и лишь какая-то мнимая гордость не позволяла ему сменить шаг на бег.

Через полчаса пришла Маргарита. Она узнала от своих карт, что с подружкой что-то случилось, потом по местным новостям рассказали о случившемся, позвонив в областную больницу, Маргарита убедилась, что Мария здесь. Девушка пришла и села у ее кровати, заполнив комнату запахами зеленых яблок и корицы, она что-то тихо говорила своей знакомой, и я даже не стала вслушиваться в ее слова, а потом Маргарита повязала ей на запястье ленточку.

– Ты совсем скоро поправишься, – сказала она на прощание и улыбнулась, погладив подружку по руке.

Больше в больницу Маргарита не приходила. Как, впрочем, и кто-то еще, кроме меня и родителей Катерины.

16 апреля

Спустя пару дней Мария, наконец, пришла в себя. Катерина была очень рада, до этого ее разговорами развлекала в основном только я, но теперь у нее был настоящий собеседник. К слову, ей тоже не составляло труда найти с кем-либо общий язык, она была легкая и очень интересная, говорить могла на совершенно любые темы от живописи до футбола. Но, слушая их разговоры, я ощутила нечто похожее на ревность. Теперь я была вынуждена делать вид, что меня нет при единственном человеке, который знал, что это не так, но Мария была важнее этого чувства, и я радовалась, что она, наконец, пришла в себя и больше ничего ей не грозит.

До поры до времени.

Пока Гост снова не пришел. Свое обещание он вдруг решил выполнить ответственно, чего я совсем не ожидала. Я ждала беды. Оказалось, что Катерина тоже его знает – ее как-то просили поснимать на их вечеринке.

Когда он появился, Катерина вышла, оставив их наедине. За все это время Мария не сказала ни слова и даже старалась не смотреть на Госта.

– Зачем ты пришел? – наконец, спросила она, когда они остались одни.

– Я обещал твоему брату, – честно ответил Гост.

– Ну да... как же. Ему все равно, – Мари посмотрела на го-

та, – а откуда он вообще знает?

– Я ему сказал, – спокойно ответил Гост, – тебе нужно что-нибудь?

– Только одно, – прошептала Мария и заглянула в самое сердце его ледяных глаз, – не приходи сюда больше... Не появляйся в моей жизни больше... никогда.

Гост шумно выдохнул, но без видимого раздражения, и ушел. Но мне показалось, что на долю секунды в его лице что-то изменилось от этих слов.

Катерину выписали уже на другой день, а Марию подержали под присмотром еще неделю, но, слава Богу, все обошлось и целые и невредимые они вернулись к своей жизни.

28 апреля

Конец апреля – замечательная пора. В это время в нашем городе из года в год шли дожди, а иногда ливни и грозы. Я очень любила такую погоду. Никогда я не чувствовала себя так спокойно, как во время дождей. Все уходило на второй план. В такие моменты существовали только ты и вечность.

Мы с Марией и Маргаритой были в центре города, когда нас застал дождь. Он усиливался с каждой минутой, и уже очень скоро мы оказались под стеной воды. Мои крылья намокли, и я с трудом могла лететь, поэтому шла за «своими» людьми пешком. Они веселились, смеялись, прыгали по лужам, но потом все же решили, когда промокли до нитки, спрятаться дома. Так мы и оказались у Маргариты, потому что до ее дома добраться было значительно быстрее. Она дала госте свою сухую одежду и переделалась сама, после чего они переместились на кухню.

Я села на подоконник, чтобы не мешать метавшейся по маленькой кухне маленькой Маргарите заваривать мятный чай, Мария села за стол, забившись в угол, и притихла. Минут десять назад она смеялась и радовалась, а теперь вот сидела, опустив голову, глядя, как с ее волос капает вода.

Маргарита была слишком чуткой, чтобы этого не заметить, но она почему-то молчала, очевидно, не хотела спрашивать сама, поэтому на какое-то время комната наполни-

лась только шумом капель, стучащих по стеклу.

– Знаешь, – начала Мари, – ведь случается так, что люди, очень важные люди, почему-то уходят из твоей жизни. Вдруг. Ни с того ни с сего, ничего не объясняя, они вдруг исчезают. И тот, кто был тебе очень близок, начинает вести себя как совершенно чужой человек, как будто ничего вас и не связывало.

Маргарита промолчала. Она поставила на стол две чашки и села напротив.

– Почему они так поступают? Или вернее, почему так происходит? Кто в этом виноват?

– Никто, – ответила Маргарита, заглянув в голубые глаза собеседницы, – обстоятельства, скорее всего. Пути расходятся.

– Почему же они никогда не возвращаются?

– Возможно, они боятся, – тихо сказала Маргарита и, вдруг судорожно коснувшись руками лица, встревоженно дернулась, но Мария этого не заметила. Она продолжала смотреть вниз.

– Боятся... или не хотят.

– А даже если и хотят, они же знают, что сами виноваты в том, что теперь легло между вами, и им совсем не хочется заново это ворошить, – продолжала Маргарита спокойным тихим голосом, внимательно глядя на подругу и больше не показывая тревоги.

– А иногда и не надо ничего ворошить, – Мария подняла

голову и посмотрела на собеседницу, – иногда нужно просто вернуться. Особенно, если этого очень хочется. И даже если боишься, что назад тебя уже не примут, почему бы не попробовать? Все совершают ошибки, но нельзя забывать о том хорошем, что вас связывало.

– Кого ты потеряла?

После этого вопроса Мария ненадолго замолчала и снова опустила голову.

– Своего брата. И я почему-то чувствую, что он уже не вернется. Просто он такой человек, если принял какое-то решение, то все... даже если жалеть будет. – Мария закрыла глаза. – Я сначала пыталась его вернуть, поговорить, выяснить хотя бы в чем дело, но, наверное, было уже поздно. А сначала ведь я просто себя навязывать не хотела. И я ведь даже не знаю, что тогда случилось у него в жизни, я даже не знаю, что происходит сейчас. Но ведь он мой брат, хотя мы и не родные, и он всегда будет моим братом.

– Может, он просто думает, что ты ненавидишь его за то, что он так поступил с тобой?

– Не знаю, – прошептала девушка и вновь посмотрела на Маргариту, – но если бы он вернулся сразу, когда я писала ему, пыталась как-то связаться, я бы и спрашивать не стала о том, почему все так обернулось.

– А сейчас?

– Сейчас... не знаю... – Мария хотела что-то сказать, но оборвала себя на полуслове, а после короткого молчания

сказала: – и сейчас бы приняла. И не стала бы его ни в чем винить, ведь главное то, что он вернулся.

– Не все люди похожи на тебя. Не каждый может принять назад. По-твоему, твой брат не возвращается только из-за своего упрямства?

– Наверное, или потому что не хочет возвращаться.

Не знаю почему, но я не могла этого больше слышать, мою душу как будто разрывало. В это мгновение я ощутила на себе то, о чем говорил мой человек, и даже дождь не спасал от этой боли. Да вот только с одной разницей, хотели бы мои потерянные близкие вернуться или не хотели, хотел бы он, тот, что погиб и чье имя я не могу вспомнить, вернуться – они не могут. Потому что он умер, а теперь в этом мире их просто не существует.

Мысль о том, что я не могу вспомнить имя моего близкого человека снова очень больно задела меня. Возможно, это было даже больнее, чем сама утрата, что заставила меня в конечном итоге оказаться здесь. Но я и той боли-то не помнила.

Я остановилась посреди улицы. Почти никого не было. Это все из-за дождя. Но у меня вдруг появилось безудержное желание подбежать к кому-нибудь, встряхнуть его за плечи, заглянуть прямо в глаза и сказать: «Я здесь! Я совсем рядом! И почему только ты меня не видишь?». Но, естественно, я удержалась. Взлетела как можно выше, чувствуя, как кап-

ли воды разбиваются о мою кожу и попадают в глаза. И тут я вспомнила. И даже сама себе поразилась, как я могла забыть о ней. О той единственной, знающей обо мне. Я начала судорожно вспоминать ее адрес, который я точно уже когда-то слышала, то ли во время нашей первой встрече, то ли в больнице она оставила его Марии. И я вспомнила. Она жила достаточно далеко отсюда, но не настолько, чтобы это меня остановило.

Ее дом являлся одной из многоквартирных клеток из серого кирпича, каких в этом районе было достаточно много. Я начала летать, заглядывая в окна, пока не увидела ее. Катерина жила на третьем этаже в небольшой квадратной комнате, и в этот момент она читала какую-то книгу, сидя на письменном столе, забравшись на него с ногами. Я постучала по стеклу, надеясь, что она услышит меня, несмотря на шум не стихшего дождя. Катерина подняла голову почти сразу же. И немного нерешительно направилась к окну, соскочив со стола.

– Ты здесь? – спросила она, как только открыла передо мной окно. – Да, знаю, ты здесь. Почему тебя не было так долго? Я уже начала думать, что выдумала тебя.

– Но теперь-то я здесь.

Я зашла в комнату, и Катерина закрыла окно. На ее книгу попала дождевая вода. Это был «Волхв» Фаулза. Она очень любила Фаулза, а еще Маркеса. Я с интересом разглядывала ее шкаф: книги, фотографии, духи, шкатулки, тетради – все

это являло собой иллюстрацию ее гармонии с собой и миром. Аккуратно и с заботой были расставлены красивые книги по авторам и жанрам, собираясь в группки, а фотографии близких то и дело попадались на глаза между ними, как будто случайно всплывающие в памяти картинки.

– Ты можешь приходить, когда захочешь, – услышала я. Но что-то в ее голосе заставило меня насторожиться. Безусловно, она хотела, чтобы я была рядом, но немного преувеличивала с этим «когда захочешь».

1 мая

Я очень сильно ее любила. Наверное, даже сильнее, чем всех других моих людей, просто потому что в отличие от них, она знала о моем существовании. Легко любить человека, который думает о тебе и который всегда чувствует твое незримое присутствие.

Она помогала мне больше, чем я ей. Катерина стала для меня тем, кем обычно для людей становилась я, хотя Своим Ангелом называла меня она, а не наоборот. А я не переубеждала ее и всегда старалась помочь, если знала, что случилось. Она постоянно контролировала себя в разговоре со мной, и я могла лишь догадываться по ее жестам, глазам или голосу, если что-то было не так. У меня не получалось следовать за ней так же, как за другими. Я должна была считаться с ее личной жизнью, и поэтому могла приходить к ней только утром или вечером. Таков был наш с ней негласный уговор, и мы ему обычно следовали.

Так и сейчас. Я пришла к ней вечером, около десяти часов. Катерина читала книгу, лежа на кровати. Она знала, что я здесь, но не реагировала, ждала, пока я что-нибудь скажу.

– Какие сны тебе снятся?

– Странные, – тут же ответила Катрин, даже не удивившись моему вопросу, – в них смешиваются книги, которые я читаю, фильмы, что я смотрю, и моя жизнь. А тебе?

– Твои.

Я понимала бестолковость нашего разговора. Конечно, я видела ее сны, ровно, как и сны других моих людей, но мне было попросту важно слышать эти два голоса: ее и мой.

– Пойдем в кино завтра? – спросила она, отложив книгу, и тут же добавила, – с утра.

– Хорошо.

Я давно не была в кино и приятно удивилась ее предложению. Любовь к фильмам у нас с ней была одинаковой. И мы пошли в кино, как и собирались, с утра, в зале кроме нас не было ни души, и ничто не мешало нам разговаривать. Смотрели приятную французскую комедию, похожую на «Амели». Мы частенько пересматривали ее, когда я оставалась с Катериной ночью.

Катрин обычно никогда не боялась разговаривать со мной на людях, правда я старалась отвечать очень тихо. Вообще она любила странности и не боялась их. Могла, например, ехать в общественном транспорте в гриме и костюме для съемки. А ведь тематика могла быть не совсем обычной. Могла пугать окружающих, поедая стиральный порошок, который на самом деле был сахарной пудрой, и запивать его шампунем, который был йогуртом. Она любила шокировать людей или по меньшей мере привлекать внимание. И иногда мне казалось, что я подручное средство в ее игре.

Но, конечно же, она меня любила. Ей было не обязательно даже говорить об этом, но иногда она говорила. Вдруг, без

повода, на улице или, когда я наблюдала за тем, как она завтракает. Возможно, это было даже что-то большее, чем любовь. Просто временами нам казалось, что она была мной, а я – ей.

Но наше с ней утро кончилось. Она отправилась по делам, а я осталась снова в одиночестве. Мы расстались в центре, перед парком Блонье. Какое-то время я металась там, летала над парком, вглядываясь в людей, а потом, сама не знаю, как так вышло, но я оказалась возле старого костела у кладбища, где очень часто собирались готы. И мне не стоило удивляться, когда я увидела там знакомый вечно дымящий силуэт. Гост было не один. Рядом с ним стоял очень эпатажный молодой человек, в длинном черном плаще, несмотря на теплую погоду, а еще у него были длинные прямые осветленные до пепельно-серого волосы. Он стоял ко мне спиной.

Они были слишком далеко, чтобы я могла услышать, о чем они говорят, но судя по тому, как жестикулировал незнакомец, я подумала, что молодой человек чем-то очень недоволен.

– И не надо думать, что ты можешь позволить себе что угодно! – слишком громко сказал он и повернулся. В нем было что-то, говорящее мне, что я уже где-то все это видела. – Я уезжаю сегодня вечером.

– Ты уже был у сестры? – от ледяного голоса Госта у меня в который раз забегали мурашки по спине, а ведь я уже почти

забыла это чувство.

– Нет.

Гост шумно втянул ртом воздух. И тут я вспомнила, где видела этого странного человека. Только выглядел он тогда совсем по-другому – во сне его сестры. Если я и думала о том, что увижу Артура, то представляла это иначе.

Он попрощался с Гостом, не оборачиваясь, и прошел мимо меня. А у меня осталась лишь одна мысль – я вижу те же самые синие глаза, как и у моего человека.

Вечером я все же решила навесить Марию. И мне стало больно, когда я обнаружила, что с ней Артур так и не познакомился. И она ведь даже не знает, что ее брат был здесь. Я попыталась вновь воспроизвести его образ в своей голове, хотя и не знала, что именно хочу понять и узнать.

Но ответов у меня не было, я пожалела, что не решила тогда проследить за Артуром и узнать, какие дела еще его ждут в нашем городе. Я даже отчего-то не заинтересовалась им так сильно, что захотела бы узнать его, как было с моими людьми раньше. Так было даже с Гостом. А тут я почему-то дала ему уйти. Наверное, было еще не время.

3 мая

Кирилл работал на кухне, сидя за обеденным столом с ноутбуком, Маргарита сидела на диване за его спиной. Все это казалось уже таким привычным: запах корицы, витающий в воздухе, спокойствие и даже молчание. Она забралась на диван с ногами, в одной руке держала чашку, из которой всегда пила, а другую запустила в свои нежно-русые волнистые волосы и ждала. Ждала, пока он закончит или просто что-нибудь скажет. Ее глаза готовы были уже просверлить в его спине огромную дыру, хотя в этом взгляде не было ни капли давления или раздражения. Наконец, Кирилл снял очки, которые надевал в последнее время, когда много работал, и повернулся, облокотившись на спинку стула. Она чуть улыбнулась.

– Почему ты одна? У тебя же нет никого, а так не бывает.

– Бывает. У меня была семья, но жизнь, а вернее, смерть их у меня отняла. В прошлом году. Хочешь знать, как все есть на самом деле?

– На самом деле? – он тоже улыбнулся, но улыбка быстро исчезла, какое-то внутреннее чутье ему подсказывало, что что-то идет не так. – Хочешь сказать, что все, что я до этого знал о тебе – «не на самом деле»?

– Лишь отчасти, – ответила она и выпрямилась, – в прошлом году в моей семье случилась трагедия – в автоката-

строфе погибли мои родители и сестра. После этого я переехала сюда.

– Прости... – после недолгого молчания он спросил: – Как ее звали?

Маргариту этот вопрос тоже очень удивил, она не хотела отвечать, потупила взгляд и даже чуть прикусила губу. Но не просто же так «мой» человек начал этот разговор. Ложь, о которой никто и не догадывался, тяготила ее изнутри. Ей, как и мне, хотелось рассказать о себе хоть кому-нибудь, хоть одной душе.

– Ее звали... Ты точно хочешь знать?

– Да, я хочу, чтобы ты ничего от меня не скрывала.

Девушка шумно выдохнула.

– Маргарита.

– Шутишь? – в его голосе чувствовалась тревога, не похоже было, что она шутила.

– Нет, мне тогда не было и шестнадцати, а с сестрой мы были очень похожи, поэтому я выдала себя за нее, чтобы не попасть в приют, детдом или еще куда, – она посмотрела на него, и в ее глазах сверкали слезы, которые она попыталась снова скрыть.

– Подожди, сколько тебе лет?

– По паспорту – девятнадцать, – она запнулась, – а так... почти семнадцать.

Кирилл отвел взгляд и потрепал свои волосы. Она снова посмотрела на нее, на этот раз с явной тревогой.

– Мне тридцать пять уже, – пробормотал он.

– Я знаю, – тихо отозвалась моя девочка, и в этот момент я тоже, как и она, испугалась, что он прогонит ее от себя, погубив при этом все то, что ей удалось воскресить в нем, и, скорее всего, в себе тоже.

Кирилл посмотрел на нее, увидел ее встревоженные глаза, которые метали взгляды по его лицу, и улыбнулся ласково.

– А как тебя-то зовут?

– Веришь-нет, не помню, – ответила Маргарита и тоже улыбнулась.

Ей не хотелось помнить, открыв правду, они вдруг договорились принять прошлый сценарий, словно ничего не произошло, словно этого разговора не было и к их разнице в возрасте, о которой Кирилл и без того часто напоминал с опаской и сожалением, не прибавилось в одночасье пара лет.

Она не была похожа на семнадцатилетнюю. Да, в ней была детская наивность и какая-то... чистота, но с другой стороны это был уже взрослый человек, который привык сам сражаться за свою жизнь и распоряжаться ею. И, хотя она выглядела молодо, не на семнадцать, конечно, но кого это волнует в наше время, когда внешность уже ничего не может сказать о возрасте точно. В ней, в этих голубых детских глазах, уже была взрослая женщина, гораздо старше ее и семнадцатилетней, и девятнадцатилетней. Маргарита позволяла себе быть «маленькой» лишь изредка, просто чтобы не забыть, как это бывает. Так же, как Кирилл до встречи с ней

позволял себе изредка быть живым.

Я даже не знаю, когда Кирилл вручил ключи от своей квартиры Маргарите. Складывалось ощущение, что они сами просто в какой-то момент появились у нее, словно так всегда и было.

Поэтому теперь она появлялась совершенно неожиданно. Нет, конечно, первое время, уже будучи обладательницей ключей от его дома, она продолжала звонить в дверь, Кирилл каждый раз напоминал ей о своем ключе. И это звучало так, словно они живут вместе, а не кто-то приходит в гости.

И мы все трое это понимали.

Мой человек в это время очень много и продуктивно работал. Статьи вылетали из-под его пальцев одна за другой, а ночами он работал над «самым важным проектом в своей жизни», так он сам говорил о своей книге о ней. О человеке, вдохнувшем в него жизнь. Больше мы ничего не знали о его работе.

Маргарита приходила к нему каждый день, приносила еду, потому что от работы он почти не отвлекался. Так и сегодня. Кирилл сидел за столом в своей темной комнате, освещенной только светом от монитора.

– Творческий мой! Как продвигается работа? – зазвучал в коридоре ее голос под аккомпанемент звона ключей.

Кирилл в ответ только что-то невнятно пробормотал.

Я слышала, как она что-то убирает в холодильник, что-то

ставит на стол, потом зашумела микроволновка.

– Я принесла тебе еду из кафе, – крикнула она, продолжая метаться по кухне. – Где твоя чашка?

Девушка зашла в комнату и, замедлив шаг, подошла к согнувшемуся над ноутбуком Кириллу и увидела, что еда, что она принесла вчера вечером, так и стоит нетронутая. Маргарита потратила вчера около двух часов на готовку, хотя готовить не любила, и знала, что все было очень вкусно, потому что специально попробовала, прежде чем принести ему, а он даже не попробовал. Маргарита не говорила, что в этот раз приготовила все сама, хотя даже если бы и сказала, Кирилл вряд ли услышал бы. Она со всех сил боролась с собой, чтобы не чувствовать обиды. Маргарита стояла у него за спиной и молчала.

– Но также нельзя, – тихонько прошептала девушка, – когда ты в последний раз спал?

– Зависит от того, какое сегодня число.

Девушка обняла его за плечи.

– Нельзя так, – повторила она.

Микроволновка громко напомнила о себе – Маргарита вздрогнула.

– Я должен писать, пока могу.

Маргарита сильнее прижалась к нему, Кирилл перестал печатать. Он вдруг почувствовал запах вишни от ее волос.

– Мне этого не хватало, – сказал писатель, закрыв глаза.

– Ты о чем?

– Не важно, – он протянул было руки к клавиатуре, но Маргарита их перехватила.

Девушка силой заставила его встать и потащила было на кухню, но Кирилл пошатнулся от свалившейся на него усталости и едва не упал. Тогда Маргарита уложила его в постель и сама легла рядом.

Кирилл, сморенный усталостью, заснул почти мгновенно. А она продолжала смотреть на него, даже когда свет от монитора потух, и они оказались в темноте.

Моего человека мучил страх, что он вдруг снова перестанет писать. Это было нечто большее, чем просто работа, которую нужно взять и сделать. Раньше Кирилл все ждал, когда же те самые – правильные и искренние – слова придут к нему. Вымучить их было не под силу, и результат никуда не годился. Нужен был толчок, хоть одна фраза, которая вырывала его из реального мира и полностью погружала в мир вымысла. После нее остановиться было сложно, слова бежали в голове так быстро, и их было так много, что иногда Кирилл останавливался, замирал с широко распахнутыми глазами, не мигая, и мне казалось, что слова вот-вот начнут сочитать сквозь эти голубые глаза. Он не хотел ничего упустить, не хотел терять время, отвлекаясь на что угодно, боялся, что заряд от первой фразы может в любой момент оборваться, и слова кончатся. И, кто знает, сколько тогда понадобится времени, чтобы снова оттолкнуться.

25 мая

А потом я пришла к ним через неделю, а они уже были женаты. Все так же внезапно, как с ключами. Просто однажды решили, купили кольца и платье, пришли в ЗАГС, где у Кирилла работали знакомые, и расписались, не устраивая церемоний и не приглашая гостей. Единственным свидетелем стала Катерина, которая кроме того сделала чудесную забавную фотографию, которую они позже распечатали и повесили в прихожей. И если бы не она, я бы ни за что не догадалась о каких-то изменениях, разве что Маргарита перестала уходить. Эта фотография, казалось, сделана для какого-то глянцевого издания: Кирилл, в красивом черном костюме, белой рубашке с тонким черным галстуком, нарочито пафосно стоял, поправляя запонки, Маргарита, в белоснежном платье с короткими рукавами, длинной чуть выше колена и с черным атласным поясом, трепетно касалась обеими руками рукава его пиджака и, чуть повернув голову, смотрела на мужа. На снимке, из-за какой-то его скрытой дерзости, шутливости, они казались ровесниками, причем им обоим, казалось, лет по двадцать пять. К тому же девушка подстриглась и теперь, когда ее русые волосы едва касались плеч, она действительно выглядела чуть старше.

Когда я прошла на кухню, они обсуждали, куда поедут в свадебное путешествие и поедут ли. Сначала Маргарита

настаивала на том, что время для путешествий не самое удачное и не лучше ли отложить его, пока их материальное положение не стабилизируется. На что Кирилл парировал заявлением, что иначе он так и продолжит круглосуточно работать, а благодаря тому, что этим он занимался уже достаточно долго, их материальному благополучию ничто не грозит.

– Итак, я предлагаю Бельгию, – заявил мой женатый человек, – или можно в Германию.

Маргарита покачала головой.

– Франция? Париж на неделю, а потом покатаемся по Провансу?

– Нет, Норвегия, – ответила девушка, но Кирилл продолжал:

– Италия! Точно, я там был уже, и это прекрасная страна, к тому же в июне будет не такая жара, как в августе. Италия – это то, что нам нужно.

Он принялся ходить туда-сюда по комнате, рассказывая, как там здорово, рассуждая, что вполне можно взять машину и просто покататься по городам и что каждый итальянский город – это что-то чудесное, ни на что не похожее. Маргарита его не перебивала, и когда Кирилл остановился и посмотрел на нее, проверяя, убедил ли он ее, спокойно сказала, ласково улыбаясь:

– Норвегия.

Как с ней вообще можно было спорить? Кирилл был уве-

рен, что не выдержит и вспылит, но, глядя на нее, такую спокойную и уверенную, он не мог злиться. И тут ему пришла в голову идея. Мой человек оперся рукой на стол и заявил:

– Мы поедем в Норвегию, если ты бросишь работу.

Она изменилась в лице мгновенно, но не потеряла самообладания. Казалось, Маргарита вся, до кончиков пальцев возмущена таким условием, но ничего не происходило, было не сказано ни слова. Она смотрела на него, пытаясь понять, зачем он это делает – хочет поехать, во что бы то ни стало, в Италию или же заставить ее сидеть дома. Кирилл с уверенностью смотрел в ответ на нее.

– Либо мы едем в Норвегию, либо не едем никуда, – тихо и обиженно сказала Маргарита, глядя мужу в глаза.

– Хорошо, но, если мы едем, работу ты бросаешь, – тем же тоном, что и раньше, ответил Кирилл.

Маргарита помолчала. Спорить и ссориться с мужем она не хотела, настаивать на своем во что бы то ни стало – тоже.

– Заказывай билеты.

Девушка встала и направилась в спальню под предлогом, что ей нужно сообщить эту радостную новость начальству, и сделать она хочет это прямо сейчас. Я следовала за ней. Когда Маргарита закрыла за собой дверь в спальню, ее затрясло, и я подумала, что это от ярости, но потом увидела ее слезы. Они только-только поженились, а он уже старается ограничить ее в том, что не касалось его самого. И я, даже не знаю, отдавал Кирилл себе отчет или делал это неосо-

знанно, но он хотел, чтобы вся ее жизнь замкнулась на нем, также как его творческая жизнь с первой же минуты их знакомства полностью зависела от нее.

Остаток дня я провела с Марией. Я сопровождала ее, пока она в одиночестве бродила по улицам родного города, заходя в различные магазинчики со всевозможными чудными вещами, пока, наконец, мы не набрали на очень уютную кофейню, от которой даже на улице раздавался сумасшедший запах только что сваренного кофе, такой, что даже мне захотелось выпить чашечку. Внутри было очень красиво: всего шесть небольших круглых столиков из темного дерева, в середине которых под стеклом находились кусочки ткани от мешков, в которых перевозят кофе, с указанием сорта, а вокруг столов стояли такие же темные деревянные венские стулья, стены были украшены росписью, свет был неяркий, отчего место казалось уютнее. Играла ненавязчивая музыка, как в старом кино.

И тут появился Гост. Пока мы бродили по городу, я нередко его замечала, но все же надеялась, что это случайность, но теперь, когда он сел за соседний столик, прямо напротив нас, хотя все столы, кроме того, что в углу, были свободны, это начинало меня злить. Он готов преследовать ее, а я так и не могу толком понять почему. Мне мерещилось

в этом что-то маниакальное, если верить его безумным глазам. И тем ужаснее мне было от того, что ведь и Мария его тоже любила. Какое-то время. До этого. Она убеждает в этом себя снова и снова, а значит, теперь я должна сделать все, что в моих силах, чтобы не закрались сомнения, что это чувство все еще живо.

Я же никогда не понимала, зачем человеку зло. Почему оно так соблазнительно? Чем? Что она может находить в таком человеке, если у него нет ни одной положительной черты? Кроме той, что он «вроде бы тоже что-то чувствует».

Я знаю, такие люди, как Гост, не меняются. Никогда. Нет, не надо пытаться изменить людей.

К сожалению, это касается и Мари, и Госта. И каждый из них все никак не может отпустить другого. Но он не подошел к нам, сделал вид, что это вышло случайно, хотя и почти не сводил с Марии глаз. Она ежилась, но всячески избегала задеть взглядом его в ответ, даже кофе пить спокойно не могла, поэтому, оставив в чашке около половины, мой человек быстро встал и вышел на улицу.

Гост остался.

1 июня

– Ты здесь? – спросила она, стоило мне только оказаться на подоконнике.

Девушка сидела на кровати с толстой тетрадью в руках, бережно переворачивая страницы, исписанные чьим-то аккуратным мелким почерком.

– Что это? – с ходу спросила я.

– Дневник одной девушки. Она умерла года два или три назад, – ответила моя Катерина, на какое-то время перестав скакать от слова к слову, – не знаю, правильно ли я поступаю... можно ли мне читать все это, но я с каждой страницей все больше и больше понимаю, что она все-таки хотела, чтобы когда-нибудь это кто-то прочел.

Девушка пододвинулась к краю и свесила ноги с кровати. Я расположилась рядом.

– Где ты его взяла? – я заглянула в тетрадь.

Буквы закругленные, мелкие, все склонились влево, между словами совсем небольшие пробелы, я сразу подумала, что это был очень одинокий человек, и, судя по содержанию, не ошиблась.

– Не поверишь, – отвечала девушка, – сегодня мне кто-то подложил его в сумку! Может, она сама мне его подбросила...

После того, как в ее жизни появилась я, Катерина относи-

лась к любимым странным и невероятным вещам без скепсиса. Я почему-то даже думать об этом не хотела, но меня одолевали сомнения.

– А от чего она умерла?

– У нее был порок сердца с рождения, – ответила моя собеседница, – очень тяжелый случай. Но она относилась к этому как-то... особенно, – Катрин начала быстро листать тетрадь, разыскивая какой-то отрывок, – я тебе прочту: «Я знаю, что скоро умру. Не знаю только, когда именно. Может этой весной, может через год, а может завтра. Мне уже все равно, когда врачи говорят неутешительные вещи, и это еще больше расстраивает маму. Они все думали, что я просто не понимаю, насколько это серьезно, но я все прекрасно понимаю, и они должны понять меня. Что толку все время проводить обследования, когда и так ясно, что я умираю? Нам сказали, что из-за редкой группы крови и каких-то еще других факторов мне трудно будет найти донора, но я и так отказывалась от операции. Зачем новое сердце мне? Не счастье всех тех, кто ждет его и надеется, а мне же привычна мысль, что времени осталось мало. У меня нет ни друзей, ни даже приятелей, да я и не умею общаться с людьми. Не нужно мне. Меня мало заботит то, что происходит вокруг. Я живу в своем мире. Только в моем. Я могу пропускать занятия в школе, не учиться, а жить в удовольствие, пока могу, потому что мне не нужно думать о будущем. Я знаю, что у меня никогда не будет своей семьи, детей, и первое время это было един-

ственным, о чем я жалела. Но сейчас и это для меня стало не важно».

Катерина замолчала. Я ждала, пока она что-нибудь скажет, потому что самой начинать не хотелось.

– Честно говоря, – начала Катрин, глядя куда-то сквозь страницы, – мне бы хотелось в какой-то мере быть на ее месте. Она не связана обязательствами и не должна думать о будущем. У нее есть только самое важное – настоящее, и она умеет этим пользоваться. Она счастлива, когда вокруг все рушится. А значит по-своему она свободна.

– Меньше, чем ты думаешь, – тихо возразила я, – на самом деле она с детства затравлена вечными больницами и врачами, а еще чрезмерной заботой, поэтому и внушает всем, в том числе и себе, что без ума от своей участи. А чему она радуется? Тому, что ей не нужно брать на себя ответственность? Ходить в школу? Учиться? Взрослеть? Жить? Она ничего не знает о жизни.

– Ты и сама не веришь до конца в то, что говоришь.

– Правда? – я непроизвольно повысила голос от негодования и доли возмущения, эти разговоры не казались мне забавными или смешными, хотя Катрин и сама очень скоро, наверняка, станет считать их таковыми. – Не надо ставить ее равнодушие в пример! Хотя бы потому что оно ненастоящее, она жалеет себя, но стыдится этого. Она смирилась с тем, что операцию не сделать, и чтобы не надеяться, клянется, что ей она не нужна. Она не борется.

– А зачем бороться? – Катерина закрыла тетрадь. – Она умирает, но не плачется, не злиться на судьбу, она все принимает и живет. Мне это нравится. Она сильная.

– С пороком сердца можно жить. И достаточно долго. – сухо напомнила я.

– Она и до моих лет не дожила. Очень долго.

Ее обиженный тон задел меня. Я не знала, какими словами смогу убедить ее в том, что во всем этом слишком много наивной юности, которая туманом застилает глаза им обоим. Я была также глупа и юна, когда решила, что моя жизнь уже кончена, но только сейчас смогла это понять. Катерине очень хотелось на себе прочувствовать, как живут другие, ей мало быть собой, хотелось большего, и в этом мы с ней были похожи сейчас.

– Мы с подругой уезжаем на пару недель. Будем фотографировать, сменим обстановку.

Голос звучал металлически холодно. Со страхом я подумала: а не выгоняет ли она меня? Я не знала, что сказать. Мне стало одиноко при одной только мысли, что ее не будет рядом даже несколько дней. Мысль, мелькнувшая в голове, меня просто душила: а вдруг она когда-нибудь от меня откажется, выгонит, выбросит, лишит меня возможности вторгаться в ее жизнь или просто быть рядом.

А потом я сама себе удивилась. Почему усомнилась в ней из-за одной ничего не значащей фразы, обиды из-за пустяка?

10 июня

В последние дни из-за того, что и Кирилл с Маргаритой, и Катерина от меня временно сбежали, а в жизни Марии ничего не происходило, у меня появилось время для того, чтобы снова спокойно наблюдать за людьми. И тут же, как по волшебству, вновь появилась она, напомнив мне о себе. Ее волосы оставались такими же ярко-рыжими, а походка такой же летящей, сегодня она возвращалась домой с пакетом, набитым красками и акварельной бумагой.

Ее комната только подчеркивала творческую натуру хозяйки. Стены были уютно рыжи и завешаны рисунками. У меня голова пошла кругом от множества лиц, изображенных в особой манере. Так странно, и то, как она играла цветами, и то, что все рисунки были одновременно и похожи в чем-то друг на друга, но в тоже время были совершенно разными. Я поразилась.

Аля же принялась выгружать покупки на стол. Баночки акрила и гуаши посыпались на пол, когда она неосторожно их задела. Я внимательно стала рассматривать ее рабочее место, пока девушка собирала свои драгоценности, разбежавшиеся по комнате. Кроме как красками, она рисовала еще и пастелью, причем ничуть не хуже, и углем.

Для меня живопись всегда являлась чем-то недоступным, а люди, умеющие рисовать, восхищали, кажется, еще при

жизни. Они были в моих глазах полубогами, способными создать красоту из пустоты чистого листа.

Только через час после того, как мы пришли к ней домой, она стала рисовать. Рисовала акварелью на только что купленной бумаге, а мне нравилось сидеть рядом и смотреть, боясь шевельнуться, как будто я могла спугнуть ее вдохновение. И так мы просидели до самого утра, почти не прерываясь, чтобы в итоге на листе появился бледный портрет молодой девушки, в которой я начала различать черты самой Али со временем. Она изобразила волосы рыжими, такими, как были у нее сейчас, но потом, когда краска чуть подсохла, добавила красного. Какое-то время проблема была в том, чем рисовать кожу, но и тут девушка вышла из положения, когда случайно окунула кисточку вместо воды в черный чай.

Так на меня с листа посмотрела очень нежная, полупрозрачная Аля с красными волосами и зелеными глазами, в которых мелькнуло что-то от змеи.

Когда моя творческая заснула, я стала изучать те ее рисунки, что нашлись в ящиках стола. Было около четырех часов утра, и из-за того, что шторы Аля не закрывала, комнату уже заполнял теплый утренний свет. Я обнаружила немалое количество ее автопортретов, нарисованных разными способами и в различных манерах, и каждый раз в них что-то менялось, то цвет волос, то их длина, то она была кудрявой, то

пострижена, как мальчик. Я поняла: это поиск. Она никак не может найти себя. Как в жизни, так и в творчестве.

Тем и была ее жизнь – вечным поиском себя. Отсюда разные средства и способы. Изменения внешние, изменения характера, поведения, отношения. У нее я также нашла стихи и короткие рассказы, вернее даже не рассказы, а только наброски. В чем только Аля себя не пробовала, но ни одно дело не могло увлечь ее так сильно, что стало бы Ее Делом. Сейчас она горела рисованием. Кто знает, как давно и как долго это еще продлится, но я очень надеялась, что мой человек по крайней мере на правильном пути.

Около шести, когда стало совсем уже светло и яркий свет должен был вот-вот разбудить моего человека, я все-таки рискнула и коснулась ее руки, чтобы тут же погрузиться в ее сон. Но я не разобрала и не запомнила ничего конкретного, никаких четких образов, только очень яркие цвета. Это вполне соответствовало во многом ее творчеству, где картинка в итоге собиралась из множества ярких кусочков и цветов. Ни у кого из моих я не видела таких ярких цветов во сне, мне казалось, с непривычки я вот-вот ослепну или просто перестану любить нашу тусклую жизнь, когда открою глаза.

13 июля

Маргарита укрылась на кухне своей маленькой квартир-ки. Из-за нее только что было столько шума... Девушка сей-час не казалась довольной ни поездкой, из которой они с му-жем только что вернулись, ни возвращением домой. Она ежилась, пробегая взглядом по стенам, искала хоть что-то в их знакомом сероватом цвете, за что можно было зацепить-ся и удержаться. Могла ли Маргарита подумать, что переме-ны, коснувшиеся ее, окажутся столь разрушительными, что снесут привычную старую жизнь подчистую, и камня от нее не оставят?

Стоило моим людям вернуться из Норвегии, как Кирилл заговорил о продаже ее квартиры, которая больше им бы-ла не нужна. Маргариту испугало его предложение и та ре-шимость, с которой он говорил. Она наотрез отказалась. Он уже заставил ее бросить работу, которая раньше занимала всю ее жизнь, пусть и не была ни хорошей, ни интересной, но Маргарите нравилась. Ей нравилось общаться с людьми, наблюдать за ними и, в конце концов, быть полезной. Теперь мой человек не знал, чем будет себя занимать. Ей оставалось вести дом и заботиться о муже, и Кирилл требовал безраз-дельного внимания к себе, хотя сам почти все время был за-нят. Он требовал и ее компании, когда нуждался в слушателе или вдохновении, но отрывать его от работы и отвлекать ни

в коем случае было нельзя, Кирилл мог вспылить и начать кричать, даже если ему вдруг помешала зашумевшая на кухне вода. Ему хотелось такого порядка в доме, какого прежде у него я никогда не видела.

Но день и ночную уборку в уже убранном доме Маргарита не выносила и не хотела выносить. Кирилл ничего не запрещал и никак не касался ее занятий и компании, если не считать настояния, касавшегося работы, но она сама вдруг перестала поддерживать старые связи, которых и раньше-то не было много. Утешало лишь то, что у нее совсем рядом оставался другой мир, собственный, куда можно было убежать и снова почувствовать себя собой, не волнуясь, что муж посмотрит косо. Кирилл, конечно, отдал в ее распоряжение пустую комнату, где можно было попробовать устроить ее новый мир, но мой человек не мог себе представить свои чудесные вещи: карты, свечи, книги, камни-амулеты – в его доме, где все жило по другим правилам – рациональным и не терпящим духовного беспорядка. Что бы Кирилл ни говорил, тот дом не был их домом, только его, а сюда Маргарита приходила перевести дух, вздохнуть с облегчением и подзарядиться так, чтобы было чем после усиливать его, и не переживать, что на ней остановится тяжелый взгляд. Кроме того, здесь девушка могла писать. В доме мужа писать должно было только ему – Маргарита сама так решила и ни разу не рискнула спугнуть его музу своей, даже когда Кирилла не было дома и в это время дом совершенно пустел, Марга-

рита не могла его оживить.

Теперь Кирилл настаивал на продаже ее мира, ее дома, и они впервые поссорились так сильно, что Маргарита была вытеснена сюда. Нет, она ни за что не могла допустить исчезновения своего мирка. Только он ей по-настоящему принадлежал. На покупку этой квартиры и переезд сюда ушли все средства, оставшиеся ей от ее семьи. Это место никогда не душило ее теснотой, а только защищало от огромного внешнего мира, помогло начать жизнь заново. У этой квартиры была душа, и она хозяйку любила. Маргарита не могла ее предать.

Дошло даже до того, что моя Маргарита отказалась вообще жить у мужа, хотя ни он, ни я всерьез не поверили этой угрозе, и все же девушка сидела сейчас здесь одна, дожидаясь утра, когда все равно придется вернуться и к мужу, и к разговору. Она уже знала, что ему предложит, но даже от этого собственного решения у нее болело сердце.

Кирилл согласится сдавать квартиру, чтобы она не стояла пустой и не мозолила ему глаза. Мои люди в тот же день начали переселение вещей через лестничную клетку. Оглядывая в последний раз опустевшую спальню с голой кроватью и обнаженными стенами и полками шкафов, как будто ей запрещено возвращаться, Маргарита заметила отклеивающийся уголок обоев под потолком.

Видишь, она страдает.

– Ремонт нужен не только тем, кто переезжает. – ворчливо забормотал Кирилл, не скрывая раздражения, Маргарита покачала головой. – Прекрати. Мне кажется, ты просто не хочешь жить со мной. Тебе нравится приходить и уходить, когда вздумается, только мы теперь семья. Если ты жалеешь об этом, то просто скажи, не нужно глупых отговорок, сотни людей переезжают, но дома не рушатся.

Маргарита опустила голову от обрушившихся на нее чувства и обиды, и вины. Но ей казались его слова преувеличенными. Мои люди никогда ничего не решали вместе. Один принимал решение, а второй либо соглашался добровольно, либо подчинялся. Кирилл был старше и был мужчиной. Все сильнее и сильнее он давил на Маргариту. Она продолжала молчать, ее накрыло волной бессилия, слабости и тошноты. Перестало хватать воздуха. Девушка побледнела.

– Пойдем, – тихонько выдавила она, чтобы они вместе смогли вернуться домой, – я просто боюсь. Мне ведь просто нужно место, которое было бы моим, понимаешь? – девушка взглянула в лицо мужа с опаской, – не надо душить меня. Пожалуйста. Я ведь не поступаю так с тобой.

Кирилл сделал маленький шаг назад, как будто его ударили, молча глядя на жену, ошарашенный. Но в себя он пришел быстро, поставил на пол коробку, которую прижимал к груди, и протянул Маргарите руки. Она беззвучно подошла и прижалась к его груди, разом провалившись в его руки.

– Прости, если я все порчу. – сказал он, и от его голоса

даже у меня по спине забегали мурашки. Маргарита прижалась крепче, собирая последние силы. Я ведь ни разу не слышала, чтобы они говорили, что любят друг друга. Мои люди просто знали и так, что значат друг для друга больше, чем может вместить в себя это слово.

Я по себе знала, как соблазнительно и опасно желание полностью контролировать жизни своих людей, держать их на расстоянии вытянутой руки. Интересно, в какой момент понимаешь, что слишком сильно сжал в своих руках своего самого главного человека? Когда он уже еле дышит и уже даже не просит пощады? Или чуть раньше? Или, может, никогда?..

18 июля

Мне не нужно было то и дело проверять, я сразу почувствовала, что Катерина вернулась, и, в соответствии с нашим безмолвным правилом, я дождалась вечера. Она меня ждала. Окно было открыто настежь, на полу лежал открытый чемодан, плевавший ее вещами, а сам мой человек сидел на столе, скрестив под собой ноги и закрыв глаза.

– Я по тебе скучала, – сразу же сказала мне она, и я почувствовала, как тепло поднимается по моему телу от ступней.

Она открыла глаза и соскочила со стола, возвращаясь к вещам. Мне не пришлось спрашивать, мой человек сам начал рассказывать о том, как целыми днями они могли, несмотря на жару, гулять, забегая охладиться в кафе, магазины и изредка музеи, бродили по одним и тем же улицам, которые все равно не надоедали, катались на старых трамваях, которые шумят так, что иногда перестаешь слышать собственные мысли. Катерина улыбалась и начинала светиться еще ярче. Каждый их вечер заканчивался одинаково: они падали без сил от усталости на диван и начинали записывать что-то в свои тетради, не давая себе шанса упустить забыть о какой-нибудь мелочи из своих впечатлений и идеи. Они обе были так вымотаны, что не хотелось разговаривать, но все равно время от времени читали друг другу что-то и смеялись, откуда-то заново черпая силы, а потом снова затихали

и погружались в свои тетради.

– Вам вместе так легко?

– Очень. Кажется, за две недели, что мы все время были рядом, мы ведь даже жили в одной комнате, мы немного и подустали друг от друга, но нам было очень хорошо, и теперь я даже скучаю. Мы друг друга любим. По-сестрински. Хорошо знаем друг друга... и очень близки.

– Здорово, что есть такие люди, – выдохнула я, ощутив нечто похожее на ревность.

– А тебе не было скучно без меня? Чем ты занималась?

Я никогда не говорила ей о других моих людях, позволив ей приятное чувство единственности и уникальности, поэтому я и теперь не стала вдаваться в подробности.

– Наблюдала. Мое любимое занятие – смотреть.

Катрин кивнула и продолжила рассказ, не поменявшись ни в лице, ни в голосе, а я слушала ее и улыбалась. Девушка начала вспоминать свои прошлые побеги из нашего города. Она уселась на пол возле почти уже пустого чемодана, прислонилась спиной к дивану и запрокинула голову, закрыв глаза. Она рассказывала не столько для того, чтобы поделиться со мной, а чтобы самой еще раз побывать там, в своих воспоминаниях, так далеко отсюда, где все когда-то было в новинку. Я никогда не покидала наш город, но сейчас мне казалось, что мы вместе гуляем по этим фантастическим улицам из ее рассказов.

А однажды я все-таки увидела ее таинственную подругу,

когда прилетела сюда вечером, не слишком поздно. Она сидела на полу, прислонившись также спиной к дивану, а Катерина сидела над ней и заплетала длинные каштановые волосы в замысловатые косы. Девушка улыбалась от удовольствия, заходившись мурашками от прикосновений подруги к своей голове, изредка ее губы шевелились, когда она отвечала Катерине, я уверена, тихим умиротворяющим голосом. Ее босые ноги зарывались в зеленый ковер, напоминающий траву, и меня удивило, что раньше я не обращала внимание на это яркое пятно.

Пытаясь отделаться от этого странного противоестественного чувства, я решила переключиться, и срочно найти кого-нибудь из моих людей. Только вот я понятия не имела, где их искать.

Их образы мелькали перед глазами, не позволяя зацепиться ни за один. Наконец, я решила. Мария. Я давно не видела ее, и, должно быть, уже скучаю. И я полетела, сначала даже не соображая куда, а потом я вдруг заметила ее любимую кофейню, ту, где мы в последний раз встретили Госта.

Я спустилась вниз по ступенькам и зашла внутрь. Меня охватило счастье, когда я увидела, что не ошиблась. Мария и правда была здесь, сидела за тем же столиком, где мы сидели в прошлый раз. К вечеру жара спала, поэтому она накинула поверх платья кремового цвета серый кардиган, волосы были по-простому собраны в хвост на затылке. Перед ней стояла продолговатая белая кружка. Мария с несколько

отрешенным видом что-то рисовала и писала на салфетке, она запустила руку в волосы и облокотилась на столик, а другой рукой продолжала что-то писать на салфетке. Какие-то несвязные слова, при этом все время поворачивая салфетку, так, чтобы слова не выстраивались в ровные линии, кроме них, по краям было полно разных завитков, плавно перетекающих друг в друга.

Мари тяжело вздохнула, и этот вздох забрал в себя весь воздух, делая даже музыку неслышной. И именно в этот момент, по злой иронии, в дверях появился Гост. Он прошел к кассе и заказал самый крепкий кофе, что только был в меню и сел за соседний столик. Мария проводила его почти равнодушным взглядом, Гост даже не смотрел в нашу сторону. Воздух не наэлектризовался от одного его появления в этот вечер. Он сидел боком к нам, но пока не поворачивал головы. Ему принесли кофе – маленькую белую чашечку и стакан воды. Гост сделал первый глоток. Мария уставилась на него. Глоток воды. Весь его вид – особенно по-новому красные волосы, которые особенно сложно было оставить без внимания – стягивали внимание на себя, превращая всех остальных в невидимок. Еще глоток кофе. Глоток воды. Когда Гост снова взял чашку в руку, он вдруг посмотрел на нас и усмехнулся, заметив на себе взгляд моего человека. Она потупила взгляд и сидела так, не поднимая глаз, какое-то время, а потом, опомнившись, начала пить торопливыми большими глотками свой остывший кофе, но на Госта

уже не смотрела. Зато смотрела я.

Он время от времени бросал в нашу сторону свои ледяные взгляды. Тем временем заиграла музыка, как из старого кинофильма, которую здесь любили, но в нашем случае она была совершенно не к месту. Гост, кажется, согласился со мной, и улыбнулся. Именно улыбнулся, без колкости усмешки. Девушка вновь взяла ручку и начала что-то писать на нерасписанной стороне салфетки. Он наблюдал, оставив свой кофе. Мария встала, убирая ручку в сумочку, и, посмотрев на него снова, показала ему салфетку, а затем положила ее на стол. И направилась к выходу.

Я не видела, что она написала, к тому же она положила ее завитками вверх. Поэтому я осталась. Я должна была знать, что она написала.

Гост сделал последний глоток, посмотрел на опустевший столик. Его никто не мог увидеть кроме меня, но он все равно хотел показаться незаинтересованным. На горизонте замаячила официантка, которая должна вот-вот прийти и убрать со столика. Гост сидел. Я уже сама почти сторала от любопытства, а он мешкал. Официантка появилась в зале и уже направилась к столику, но тут вдруг неожиданно на пол упала и разбилась чашка, которую она забыла у кассы, не без моей помощи, конечно. Девушка бросилась назад, причитая что-то и бормоча.

Гост встал и быстро подошел к столику. Я уже оказалась рядом. Он взял салфетку и, пробежавшись глазами,

по несвязному потоку сознания, перевернул ее.

«Ну, и что же теперь делать, а?»»

19 июля

Мария не разделяла общей радости от наступления лета и жары. Горячий воздух только помогал одиночеству душить моего человека. Она намеренно избегала встреч со знакомыми, почти все время сидела дома, с бешеной скоростью сокращая запас непрочитанных книг, и редко выходила пройтись по улицам, когда близился вечер и духота медленно сходила на нет. На моих глазах Мария отгораживалась от людей знакомых и незнакомых, не испытывая ни интереса, ни участия – ничего, кроме страха перед ними. Вокруг моего человека воздух пропитался горечью, и это с трудом выносила даже я.

Люди, к которым Мария привыкла, с началом лета ей опротивели либо были заняты делами, новые знакомства девушка завязывать и не умела. Она терялась, даже когда кто-то на улице спрашивал время, а уж когда обращали внимание на нее, Мария почти впадала в панику. Но и ходить куда-то в одиночестве мой человек не решался, чувствуя себя неловко и не к месту, везде куда бы не попала.

Я и подумать не могла раньше, что она такая, когда увидела ее впервые, такую спокойную и невозмутимую. Она не пыталась скрыться, хотя и не стремилась быть на виду, но теперь только это и делала – старалась даже для самой себя остаться не замеченной.

Кирилл с ума сходил, до того ему нравилось, как пахли ее руки сегодня вечером после того, как Маргарита несколько часов провозилась с тестом для своего чудного хлеба. Они сохранили запах ванильного сахара, чая и корицы, даже несмотря на то, что девушка не раз уже вымыла руки с мылом. Даже сам хлеб не вызвал такого восторга, получившись слишком плотным и жестким и чуть-чуть пригорев по краям. Но его запах наполнил каждую комнату до краев, успокаивая моих людей после тяжелой ссоры, помогая этому дому стать чуть более настоящим.

Маргарита редко радовала нас такими сюрпризами, но в последнее время ей нравилось занимать себя долгими поисками интересных рецептов и колдовством на кухне. Она больше никому не гадала, даже себе, словно боялась взять в руки карты, спугнув тем самым шаткое счастье и покой. Но о спокойном крепком сне пришлось забыть – все чаще моего человека мучила бессонница, и спать больше четырех часов не получалось.

Перемены, коснувшиеся дома, оказались по душе Кириллу. Он мог день и ночь с удовольствием проводить за работой, раз уж ему приходилось гнаться за мыслью, а не подолгу ее ждать. Маргарита ему не мешала. Она, переполненная светом и энергией, стала чахнуть, но продолжала что-то

смутное твердить о счастье, которого я не видела, но которое
смогло застит моим людям глаза.

31 июля

– Ну, давай обнимемся? – засмеялась Маргарита, раскинув руки. Стоило ей заметить на улице Марию, как она засияла, и мы быстро перешли на другую сторону, чтобы столкнуться с ней. Девушка в ответ неуверенно запротестовала и замотала головой, взглянув на подругу мученически с мольбой не настаивать. Маргарита шутливо нахмурилась: они встретились впервые за долгое лето, а она не хочет обниматься. Насколько Мария не выносила вторжение в свое личное пространство, настолько для другой девушки этот контакт, благодаря которому она могла почувствовать человека, был важен.

– Ну, давай обнимемся, – продолжала ласково приглашать ее в свои теплые объятия Маргарита. Мария вымучила улыбку, но сделала крошечный шаг назад.

– Ладно, только не убегай. – сдался мой человек, опустив руки. – Как у тебя дела?

– Скучно... нечего рассказывать.

– Зато у меня перемены, – без восторга ответила Маргарита, показывая кольцо на руке. Мария не обиделась от отсутствия приглашения на свадьбу, она горячо поздравила подругу и заулыбалась.

– Пойдем, покажу тебе нашу квартиру, Кира все равно дома нет, он уехал в столицу по работе.

И они пошли, чтобы провалиться во времени и не заметить бегущих часов и минут, которые обычно тянулись так долго. Мои люди говорили обо всем, но только не касаясь того, что на самом деле их заботило, и, когда светские темы закончились, Маргарита не выдержала:

– Ты можешь говорить, что у тебя все хорошо, но я же вижу.

Мария ответила на это благодарной улыбкой.

– Спасибо, но правда, все хорошо. Просто ничего не происходит. – она помолчала немного прежде чем продолжить: – есть кое-что, чего я не понимаю. Мне неудобно просить тебя, но, может быть, ты можешь мне помочь?..

Маргарита сразу поняла, какую помощь имеет в виду гостья и повела ее в комнату, где в новом шкафу пытались ужить ее вещи. Она открыла плотные дверцы шкафа и достала подсвечник с волчьими головами, поставила его на пол в центре комнаты и зажгла возвышающуюся толстую свечу из пчелиного воска, которая очень скоро наполнила комнату теплым пряным запахом меда. Мария села на пол подле свечи, а хозяйка достала из сундука, ждущего в углу, две колоды карт и села напротив.

Комната была еще достаточно освещена закатным солнцем, пробивающимся сквозь окно, шторами его было не закрыть, потому свеча с волками была нужна только для соблюдения правил. Маргарита принялась ловко тасовать колоду карт, каждая из которых была размером с ее ладонь.

Другая колода лежала рядом с ней – обычная игральная колода, на которой были черные следы копоты, оттого что временами хозяйка очищала их пронося каждую по очереди сквозь пламя своей свечи. Она сделала это и теперь, при нас, с большой колодой, а потом снова продолжила ее мешать.

– Левой рукой на себя, – велела Маргарита, протягивая Марии колоду.

– Что? – растерялась девушка.

– Сдвинь часть колоды.

Девушка повиновалась и протянула руку, чуть помедлив, она коснулась карт. Маргарита быстрым, ловким движением перехватила отделившиеся карты и переложила из вниз. Она набрала в легкие побольше воздуха, сделав шумный глубокий вдох, а потом быстро начала раскладывать карты в известном ей порядке, а мы с Марией заморожено следили за тем, как летали ее руки, а карты текли в них, подобно воде. Прежде чем переверачивать карты, Маргарита взглянула на подругу, которая сгорала от нетерпения и не отрывала глаз от лежащих на полу карт, которые лежали двумя бороздами одна на против другой, и только одна в середине. Она начала с левого верхнего угла и касалась то одной борозды то другой, спускаясь все ниже.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.